

РОЖДЕНИЕ ДОЧКИ ИННЫ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945

Во время первой беременности я работала конструктором на заводе «Красная заря». Беременность проходила без осложнений, носила я очень красиво, нигде ничего не выпирало, была просто вся кругленькая, пополневшая. Лицо чистое, свежее, никаких пигментных пятен. На работе никто не подозревал, что я беременна. Правда, я сшила у хорошей портнихи соответствующий моему положению костюм. Тогда в моде был крепдешин. И вот я сделала из коричневого крепдешина сарафан с глубоким вырезом на груди, а на боках были резиночки в 2-3 ряда. Под этот сарафан носила светлые, красивые блузочки с воланчиками и рюшечками, которые прикрывали живот, а поверх я надевала пальто из этого же крепдешина на белой шелковой подкладке, прямого покроя, с длинными рукавами и воротником стоечкой, который завязывался бантом. Пальто было по длине вровень с сарафаном.

Это был очень красивый наряд, скрадывавший беременность. В нём я ходила на работу, в гости, в театр и т.д. Даже врачи, к которым я ходила, не верили в срок моей беременности, потому что многие женщины их обманывали, сообщая неверные данные. И хотя в те годы декретный отпуск от работы, как его называли, полагался за месяц до родов и на месяц после родов, мне же дали этот отпуск за 2 недели до родов. Это значит, что я работала до 8,5 месяцев беременности. А месяца за два до этого в конструкторском бюро при отделе главного технолога, где я работала, привезли новые доски для конструкторов, так называемые «кульманы» – это стоячие доски с круглыми стульчиками, в отличие от тех, на которых мы работали до этого – лежащие на письменных столах на подставочках. Мне предложили сесть за такую доску. Но будучи по натуре консерватором, я отказалась и продолжала сидеть за своим старым столом. Но чем больше рос мой животик, тем труднее мне было сидеть, и я часто вставала и выпрямлялась. Это заметил сидящий в центре зала начальник конструкторского бюро Александр Иванович Орлов, человек семейный, отец двоих детей. Вот только тогда до него дошло, что я беременна.

В один из таких моментов, когда я встала, чтобы немного вытянуться, он понимающе посмотрел на меня. И тогда я сказала: «Вот теперь, Александр Иванович, я бы села за кульман». Он

тут же спросил, кто хочет со мной поменяться, и таким образом я пересела за кульман, стоящий у окна. А напротив завода были военные казармы. Работая у окна, я наблюдала, что туда привозят много новых солдат, и целый день там толпится много народу: матерей, жен, сестер и т.д. Мне это почему-то показалось странным и угнетало меня. Как потом оказалось, это уже готовились к войне, призывая в армию.

Я втихомолку часто плакала, боялась, что умру, хотя старалась, чтобы никто не заметил моих слёз. Но Марк всё же обратил внимание на моё удрученное подчас состояние и, конечно, заинтересовался причиной, но я не хотела говорить ему. Однажды, когда мы уже легли спать, он упорно и настойчиво расспрашивал меня до 3-х часов ночи. Даже заявил, что спать не будет, пока не расскажу. Я сдалась, сказала ему, что боюсь родов, боюсь, что умру и т.д. Он прямо ночью разбудил моих родителей, рассказал им о моих страхах, и все вместе они начали меня успокаивать.

А рано утром моя мама позвонила по телефону своей сестре и моей тётке Фире, принимавшей роды у моей мамы, когда она рожала меня. Фира работала акушеркой, а ко времени моих родов – в министерстве здравоохранения. Она стала меня успокаивать, пообещав, что «рожать будем вместе». Она устроила меня в клинику Отто, одну из лучших в Ленинграде, хотя поблизости от нашего дома был педиатрический институт с родильным отделением. Но там я рожать не хотела, так как за два года до меня там рожала сестра Марка Оля свою первую дочку и чуть не погибла от заражения крови после внесённой инфекции.

Но, по-видимому, плакала я во время беременности от предчувствия беды, которая вскоре разразилась над всеми советскими людьми. Это произошло 22 июня 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, или, как её называют на Западе, – Вторая мировая война. О военном периоде я напишу немного позднее, а сейчас вернусь к периоду моей беременности. Когда я была на седьмом месяце, Марка вдруг призвали на сборы. Это, вообще, была не новость, его каждый год призывали, но обычно летом и на два месяца. А в том году это произошло весной – и на три месяца, что казалось необычным.

Итак, его призвали на офицерские сборы с 27 марта по 27 июня. Мне, конечно, было очень грустно без него, но все мы были патриотами и считали, что нужно исполнить долг перед родиной или, как говорится в народе, «Надо, Федя!». И вот я осталась

в такое время без ласки, внимания и заботы любящего мужа. А ведь известно, что в период беременности женщина особенно нуждается в этом. Но я работала, жила вместе с родителями и сестрой, и это до некоторой степени скрашивало моё состояние. И конечно же молодость и здоровье, я до 60 лет была очень здоровая, никогда не лежала в больницах, кроме родов, а если и болела, то один раз за зиму гриппом или просто простужалась. Даже в молодости была очень хозяйственная, аккуратная и всё в доме делала с удовольствием. Поэтому, выйдя в декретный отпуск за две недели до родов, стала приводить в ещё больший порядок комнату и наше небольшое хозяйство. Стала пересыпать нафталином зимние вещи и складывать их в ящик под тахтой. Эту процедуру проделывали весной все «хорошие хозяйки». Весь день 10 июня 1941 г. занималась зимними вещами – каждую вещь нужно было, согнувшись, положить в диван, пересыпать нафталином, а потом, разогнувшись, взять другую и проделать то же самое. Уже под вечер мама настояла, чтобы я заканчивала эту работу и пошла погулять с папой, а то ведь весь этот летний солнечный день провела без свежего воздуха.

Выйдя на Лесной проспект и держа папу под руку, мы прогуливались. Помню, проходили рядом с хлебным ларьком, уже закончившим работу, а напротив ларька на панели валялся довесок хлеба. Тогда ещё хлеб продавали вразвес. Видимо, кто-то уронил этот довесок. Мой папа оставил мою руку, нагнулся, поднял этот кусочек хлеба, отряхнул его со всех сторон рукой, подошёл к хлебному ларьку и положил его на прилавок. Когда он вернулся ко мне, я сказала ему: «Папа, по-моему, стыдно подбирать кусочек хлеба с земли», на что он ответил мне: «Ты, доченька, не знаешь, что такое голод, поэтому так говоришь. Хлеб не должен валяться под ногами».

И вот очень скоро я узнала, что такое голод, живя в блокадном Ленинграде во время войны, да ещё с грудным ребёнком. Но об этом позже.

А в тот вечер, погуляв, я пришла домой, а в 7 часов утра у меня начались схватки, и мама, вызвав такси, поехала со мной в родильное отделение в другой конец города, по-моему, на Васильевский остров. Но там оказалось, что они закрываются на ремонт и больше не принимают рожениц. С помощью звонка по телефону моей тети Фиры они меня отправили в клинику имени Отто на скорой помощи и, конечно, отношение ко мне уже было совсем другое. Ведь в Союзе всё хорошее или лучшее делается

по знакомству. Так уж повелось. Но в те годы это делали бесплатно, а позднее даже за хорошее отношение врачей или сестер нужно было платить «из-под полы», чтобы никто не видел. Я очень тяжело переносила схватки, и мне сделали какой-то укол, который меня как бы одурманил, то есть я была несколько часов в полудремотном состоянии и не заметила времени. И вот, наконец, в 4 часа 40 минут дня родила свою первую дочку – это было в среду, 11 июня 1941 г.

Я, конечно, сразу подняла голову и, увидев, что у меня девочка, закричала: «Не нужно мне её». Я ведь очень хотела, чтобы первый мой ребёнок был сын, всю беременность только и говорила о сыне, и имя придумывала сыну. Но ребёнок мой появился на свет без звука, без крика, с которым обычно появляются новорождённые. Медицинские работники поставили на столе два тазика с водой – в одном горячая, в другом – холодная вода. Взяли ребёнка за ножки, вниз головой и опускали попеременно то в горячую, то в холодную воду – и так в течение 20 минут. А ребёнок корчил личико гримасами плача, но без звука. Была она вся синяя и худенькая, весила 3 кг 60 граммов. И вдруг через 20 минут, ровно в 5 часов раздался крик. Я наблюдала за этой процедурой и смотрела на часы, висевшие напротив на стене. Но я тогда не осознавала всей опасности, угрожающей моему ребёнку. Я думала, что так должно быть. Наконец, ребёнка завернули и увезли.

А мне стали накладывать швы, так как у меня были разрывы. Швы накладывали без наркоза, я испытывала ужасную боль и, конечно, кричала во весь голос. А моя мама, оставив меня в больнице, поехала домой и, войдя к себе в спальню, начала громко молиться перед двумя портретами её родителей, висевшими над кроватями. Она, вообще, не была религиозная, но когда ей бывало трудно, она разговаривала со своими покойными родителями, как с Богом. Она просила, чтобы они на том свете подумали обо мне и помогли родить легко, быстро и благополучно.

А моя сестра Валя в те дни заканчивала 10-й класс, сдавала экзамены, и у неё в это время были девочки и мальчики из класса и, как она мне потом рассказала, вдруг услышали в соседней комнате мамин разговор. Но так как Валя думала, что дома никого нет, она зашла в спальню и увидела, что мама стоит на коленях и разговаривает с портретами родителей.

На следующий день мама послала Марку поздравительную

телеграмму с рождением дочки.

Как я уже писала, Марк в это время был на сборах. Получив телеграмму о том, что стал отцом, он обратился к командованию части с заявлением-просьбой предоставить ему краткосрочный отпуск. Он «обивал все пороги», но везде получал отказ. Наконец, дошёл до самого высокого по чину и званию начальника и сумел его убедить дать ему отпуск на 5 дней. Таким образом, он приехал в Ленинград 17 июня, а вернуться обратно должен был 22 июня. Меня же выписали из больницы 18 июня. Он всю квартиру и нашу комнату украсил цветами. Нанятая им машина тоже была вся в цветах, начиная с крыши. Приехал он за мной вместе с моей мамой, привезли меня с дочкой домой и все, конечно, были безмерно счастливы. Девочка в больнице немного похудела, но всё равно была очень хорошенькая.

А у моей сестры Вали в этот день был выпускной вечер в школе. Ей исполнилось 18 лет, она пользовалась успехом у мальчиков, и все они всегда бывали у нас дома. Особенно за ней в это время ухаживал мальчик из параллельного класса по имени Мона, фамилию позабыла. Все были заняты мной, моей беременностью и почему-то ей даже не сшили выпускного платья. Но не помню, чтобы в те годы выпускные школьные вечера устраивали так торжественно, как теперь. Валя попросила моё свадебное платье одеть на вечер и я, конечно, дала ей. Мы были одного роста, и размер платьев у нас тоже был одинаковый. А моё свадебное платье было очень красивое: на кремовом креп-жоржете разбросаны красивые цветы, да и сшито оно тоже было хорошо. Тогда ещё не было моды делать на свадьбу белые платья.

Те 5 дней, что Марк был в отпуске, пролетели как в тумане. Все были счастливы. Но когда Марк рассказал, каких трудов ему стоило добиться отпуска на эти 5 дней, я сказала ему, что, может быть, не стоило претерпевать столько неприятностей, так как ещё через 5 дней он должен был вернуться уже совсем. На что он ответил: «Если бы мне дали отпуск даже на 5 часов, я и то бы приехал к тебе, потому что такова обстановка». Я, конечно, была польщена этим ответом, но, как оказалось, не совсем поняла. Но в дальнейшем, когда уже началась война, Марк объяснил, что отпуск ему не давали, потому что была очень напряжённая обстановка, и было ясно, что война вот-вот начнётся. Так ему говорили вышестоящие командиры и даже намекали, что экзамены они, возможно, будут сдавать на поле боя. Он служил в танковых войсках командиром взвода в звании лейтенанта.

Итак, наступило 22 июня 1941 г. Марк в этот день должен был вернуться в часть, дислоцированную под Псковом. В 8 утра он вышел из дома и поехал на Варшавский вокзал, уверенный, что через 5 дней – 27 июня – вернётся совсем, и мы заживём опять счастливой жизнью. А до этого он съездил в Пушкин под Ленинградом к своей сестре Оле и привез мне оттуда коляску для дочки, которая мне очень нравилась. Олиной дочке, Аллочке, уже исполнилось два года, коляска ей больше не была нужна. Эту коляску, между прочим, прислал Оле старший брат Аркадий из Москвы, когда она родила. А теперь она перешла к нам по наследству.

Когда Марк подъезжал поездом к Луге, входящие в вагон на небольших станциях женщины одна за другой подходили к нему и спрашивали: «Товарищ командир, правда, что война началась?» Он вначале отвечал отрицательно, потом говорил: «Не поднимайте панику!» А в Луге, выйдя на платформу, услышал речь Молотова о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз. А ведь эшелоны с хлебом, которые он получил от Советского правительства, ещё не успели дойти до Германии. Марк остановился в недоумении на платформе, раздумывая, что же ему делать – вернуться домой или ехать в часть. На платформе в то время стояли два поезда: тот, которым он приехал из Ленинграда, и второй, направлявшийся в Ленинград. И всё-таки чувство долга взяло верх. Так советская власть сумела вдолбить в головы людей, что общественное дело важнее личного и должно быть всегда на первом месте.

Итак, Марк сел в псковский поезд и доехал до той станции, где должна была располагаться его часть, но её уже не было. Она сосредоточилась в лесу с заданием двинуться на защиту Ленинграда со стороны Карельского перешейка. Об этом ему сказал оставшийся грузить хозяйство воинской части старшина, объяснив, как добраться. И Марк догнал их уже в пути.

Я же в это время занималась дочкой и ничего не знала. Я сидела на тахте и кормила её грудью. Телефон висел на стене в нашей комнате. Вдруг начали раздаваться звонки один за другим. Подходила к телефону Валя. И я каждый раз слышала только её ответы: «Да, не балуйся! Не дури! Не говори глупости!» и т.д. Она буквально не могла отойти от телефона. Все родные, знакомые звонили, зная, что я только четыре дня назад пришла из больницы с дочкой. И тогда я спросила у Вали: «Что случилось? Что это все стали звонить?» На что она ответила, что вот, мол,

дурачатся, говорят, что началась война.

И тогда я поняла, что произошло непоправимое бедствие, и заплакала. Вошла мама. Я в слезах сказала: «И зачем я родила этого ребёнка в такое время?» Но мама стала меня успокаивать, говоря, что вот ради этого ребёнка, Бог даст, Марк вернется домой живым. Я тут же побежала в домоуправление. Наш жилой массив состоял из шести корпусов по 500 квартир, а в каждой квартире ещё жили по 2-3 семьи. Так что народу в этих домах было тысячи три, а то и больше. В домоуправлении мне сразу дали талон на вход в газоубежище с ребенком во время воздушных тревог. Значит, все было подготовлено к войне, и под всеми корпусами в подвалах были оборудованы газоубежища и бомбоубежища. В первые впускали с детьми, а во вторые – пожилых людей.

И началась наша военная жизнь с постоянными воздушными тревогами. Но бомбёжек ещё не было. Они начались позднее, в сентябре. А пока было лето, тепло, солнечно и никто ещё даже не представлял себе, что нам грозит в Ленинграде. В доме были обычные запасы: грецких орехов, варенья, изюма и др. сладостей. Мама всегда держала их для пирогов. А когда началась война, моя сестра сказала: «Давай, мы лучше все эти сладости съедим, а то вдруг разбомбят, и все пропадёт». И мама ответила: «Кушайте, на здоровье». Валя всегда была хохотушка и все обращала в шутку, в смех.

И мы с ней часто забирались с ногами на мою широкую тахту и лакомились вкусными вещами. Если б мы тогда знали, что нам предстоит блокада и голод, может быть, растянули бы всё это на более долгий срок. Время шло, и все понемногу стали привыкать к военному положению. Но ребёнок у меня постоянно лежал завернутый в одеяло и перевязанный лентой, то есть в боевой готовности, а я спала тоже почти одетая. Ведь воздушные тревоги бывали много раз в течение суток, и никто не был уверен, в какой момент может начаться обстрел.

С первых дней войны в Ленинграде ввели карточную систему, то есть хлеб и все продукты выдавались только по карточкам. Но с каждым днём все нормы выдачи уменьшались и уменьшались и, в конце концов, дошли до 125 граммов хлеба на человека. Но в начале войны я ещё продолжала работать на заводе «Красная заря», то есть после родов, отсидев дома положенный мне месячный отпуск, вышла на работу. Тогда ещё у нас была домработница Тоня, которая жила у нас до войны. И она прино-

сила дочку для кормления на завод, благо мы жили недалеко. Прямо в проходной я заходила с ней в свободную комнату и кормила грудью, молока было мало, времени тоже, только обеденный перерыв, я нервничала, и ребёнок всегда был голодный. Но вскоре по заводу был объявлен приказ об эвакуации в Уфу. Все женщины с детьми должны получить расчёт и уехать с заводом. Но я не представляла ещё себе серьёзности нашего положения и вообще не хотела уезжать из Ленинграда. Не хотела ехать без родителей и сестры. Но мне сказали, что независимо от моего желания меня увольняют с завода, как и многих других, находящихся в таком же положении. Разрешили взять с собой свою семью, то есть родителей и сестру и сколько угодно багажа, даже кровати. Заводу обещали товарный эшелон, чтобы можно было увезти оборудование. У нас отобрали продуктовые карточки, дали продукты на дорогу, велели упаковать вещи.

17 августа мы должны были покинуть Ленинград. Но этому не суждено было осуществиться – в тот день не оказалось вагонов. Мне сказали, что, возможно, вагоны будут через два дня, потом – что через три, но вагонов всё не было. Ленинград окружили полностью 8 сентября, и, естественно, эвакуация прекратилась. Мы остались в блокадном Ленинграде с упакованными большими тюками, которые никто из нас потом сдвинуть не мог с места.

Чтобы описать всё, что пережили в Ленинграде в те военные годы оставшиеся в городе, в том числе и наша семья, можно написать отдельную книгу. Но я не задавалась такой целью. Не описать же эти годы я тоже не могу.

Как только окружили Ленинград, почти сразу начались обстрелы и бомбёжки и в первую очередь бросили бомбу на так называемые Бадаевские продовольственные склады, где хранились все запасы продуктов для населения города. Все здания складов были деревянными, их подчистую смёл огонь. И всё, что могло сгореть, например, мука, – сгорело, а что могло расплавиться – масло, сахар, конфеты – ушло в землю. Как показала жизнь, это было неправильно и глупо для военного времени. Но для того чтобы что-либо изменить в Советском Союзе, нужно много времени, а война не ждёт. Когда горели склады, всё небо над городом было розово-красным.

Мы жили на Выборгской стороне и не знали, что горит, но видели красное небо. А те, кто жили поближе, видели, как плавился сахар и другие продукты. С этого дня сразу снизили нор-

мы выдачи продуктов и хлеба, и начался страшный голод.

Умирать с голоду начали через два месяца, в ноябре. Люди бросались куда угодно, чтобы достать какие-либо крохи хлеба или других продуктов. Я тоже поехала трамваем в какой-то поселок на кольце трамвайной линии Лесного. Кто-то сказал, что оттуда будут вывозить людей на пароме. По-моему, это были советские немцы. Якобы они будут продавать собранную со своих огородов картошку. Но они продавать её не захотели, и мы, несколько человек, вернулись ни с чем. На обратном пути был сигнал воздушной тревоги, трамвай остановился, и всех высадили напротив парка. Народ, прикрыв голову портфелем или газетой, прятался в кустах. А я подняла голову и впервые увидела в небе воздушный бой. В тот день впервые фашистские самолеты прорвались к Ленинграду.

Муж был на фронте. Он догнал свою танковую часть и вместе с выделенным из этой дивизии бронетанковым истребительным отрядом был направлен в Прибалтику в распоряжение генерала Берзарина. В боях в районе Латвии отряд был разгромлен, и Марку с четырьмя бойцами из этого отряда пришлось выбираться на Восток (из так называемого окружения) лесами, на свой страх и риск, в течение 20 дней. Он побывал даже у немцев на двух сборных пунктах военнопленных, откуда ему удалось сбежать, несмотря на риск быть убитым либо при побеге, либо потому что еврей.

Как я уже писала, в то лето Валя окончила школу и решила поступать в институт иностранных языков на английский факультет, хотя в школе изучала немецкий. Она ездила в институт, сдавала экзамены и была принята. Конечно, в то лето не было такого наплыва абитуриентов в связи с войной. Но вскоре институт эвакуировали, и Валя осталась дома. Посылали её рыть окопы вокруг Ленинграда, а когда начался голод, она больше всех членов нашей семьи страдала от него. Она всегда хотела кушать, и часто с ней случались голодные обмороки. Но наша семья была исключительно дружная в то тяжелое время. Получив 625 г хлеба на всю семью, мама разрешила его пополам, затем каждую часть еще на четыре кусочка, которые мы съедали утром, а вторую часть – вечером. Кушали мы только 2 раза в день. Старались попозже встать, а лечь спать пораньше. Крошки от нарезанного хлеба папа собирал пальцами и слизывал. Он тоже чувствовал себя очень плохо. Был настолько слаб, что уже не мог ходить и все время лежал.

Мы жили в доме с центральным паровым отоплением, но оно не работало, нечем было топить котельную, трубы полопались от холода. А зима 1941-1942 гг. была очень суровая, и в квартире был мороз. Я с ребёнком и Валя спали в маленькой кухне, там была дровяная плита, которую мы понемногу протапливали, закрывая дверь в коридор. А мама и папа спали в своей спальне. Укрывались с головой всеми одеялами, но от их дыхания вокруг одеял образовывался лёд. Дрова купить невозможно было, и мы прямо в квартире распиливали мебель и подтапливали кухню. Иногда маме удавалось обменять дрова на кусочек хлеба. Я была ещё покрепче других членов моей семьи и спускалась с мешком вниз, распиливала бревно, которое удалось достать, раскалывала его и несла мешок дров на 4-ый этаж. Иногда домоуправление предлагало разобрать близлежащие деревянные дома, а доски взять себе. Иногда это были обгоревшие при бомбёжке дома или мешавшие движению воинской части.

Воды тоже в квартирах уже не было – водопровод и канализация замерзли. Поэтому за водой мы с сестрой отправлялись к какой-нибудь проруби. Там обычно была очередь. Прорубь обрастала льдом, нужно было по льду вскарабкаться на четвереньках вверх и зачерпнуть в ведерко воду. Валя держала меня внизу за ноги, чтобы я не соскользнула. Но ведь мы жили в квартире с удобствами, и у нас никаких ведер не было. Купить невозможно было. Мы с трудом достали саночки, ставили на них бидончики от молока и кастрюлю и ехали за водой, а пока привозили её домой, половина расплескивалась. От этой проруби и от колки и пилки дров на морозе мои руки были чёрные, обмороженные и в кровавых трещинах. Я думала, что они уже никогда не обретут нормальное состояние.

А надо сказать, что до войны мои руки были предметом всеобщего восхищения. Они были белые, пухлые, с красивыми длинными пальцами и ногтями. Я всегда очень следила за руками, с 17 лет начала делать маникюр. Говорила, что работаю руками, поэтому они всегда должны быть у меня в порядке. Пальцы были музыкальные, я брала на две ноты больше октавы, когда брала уроки фортепиано. Много мне пришлось этими руками делать во время войны того, к чему они не привыкли, – и с землёй возиться, то есть сажать, полоть, убирать, и лес пилить, и лошадей запрягать, и уголь грузить, и картошку разгружать. Но это я уже забежала вперед.

Я ещё не написала, как назвала и зарегистрировала дочку.

Когда ещё не была замужем, я познакомилась в Одессе с одной очаровательной молодой актрисой по имени Инна. Она была такая обаятельная и так мне понравилась, что я решила: если у меня когда-нибудь родится дочка, обязательно назову её Инной. Но, как я уже писала, после рождения дочки сразу началась война, тревоги, и просто невозможно было дойти до здания ЗАГСа (запись актов гражданского состояния). Когда же собралась пойти зарегистрировать, то мама спросила, как я собираюсь её назвать, и я сказала, что Инной. А мама мне ответила, что нужно бы назвать её в память сестры моего папы, тети Поли, или, как её называли по-еврейски, Перл, «а называть можешь её и Инна, какая разница: Полина, а окончание Инна». Я решила, что ни к чему спорить о имени, когда идёт такая страшная война и неизвестно, останемся ли мы живы.

Дошла я до ЗАГСа с большим трудом, потратила на это много времени. ЗАГС находился на улице Карла Маркса, и пока я дошла до него с Лесного проспекта, раз 7-8 объявляли воздушную тревогу, и всех пешеходов загоняли в бомбоубежища. Но я всё-таки дошла туда, зарегистрировала её и принесла метрическое свидетельство на Полину Марковну Беккер, а называли мы её, да и все родные и знакомые, Инночка, и зовут и по сей день. Родилась она, конечно, в самое неподходящее, тяжелое время. Я кормила её грудью, а самой нечего было есть. Пила кипяток с солью вместо сахара. Она всегда была голодная и кричала постоянно от голода. Когда ей исполнилось 3 месяца, врач в детской консультации выписал ей 200 г молока и, кажется, 100 г манной или другой каши, которую я должна была ежедневно получать в детской молочной кухне на Лесном проспекте около Литовского моста. И вот каждый день сотни женщин простаивали в очереди около этой молочной кухни. Несмотря на то, что Литовский мост бомбили и обстреливали, ни одна мать не уходила из очереди, потому что это значило оставить грудного ребёнка без питания. Но иногда бывало и так: женщины-матери приходили к молочной кухне, а на дверях висела записка: «Ввиду отсутствия воды и света кухня закрыта». Вот это было ужасно, потому что и так истощенные дети могли умереть. Но и эти 200 г молока, которые я получала для Инночки, мы делили пополам между ею и моим папой, потому что он был самый слабый и буквально умирал с голоду. Надо сказать, что моя мама в это время развернула бурную деятельность по добыче продуктов. Она ничего не жалела из вещей, мебели или драгоценностей. Ходила на рынок и предлагала

всё, что угодно, за кусочек хлеба, бутерброд с сыром или другие продукты. Приводила с собой с рынка людей, открывала все шкафы и буфеты и предлагала на выбор любую вещь. Например, мама обменяла свой зеркальный шкаф, который тогда был в моде, на буханку хлеба, трельяж – на 300 г хлеба. Всё это она отдала работнику военкомата (военный комиссариат, который осуществлял набор в армию). Меняла она также вещи на дрова, брёвна, доски, чтобы топить плиту в кухне для тепла. А вообще-то, я и сама теперь не могу понять, как умудрялась стирать и сушить пеленки и белье Инночки в то время, когда так трудно было с водой, дровами и мылом. А она всегда лежала у меня чистенькая, без всяких детских запахов, в стиранных пеленках, а не в высушенных и пахнущих мочой. Но, наверное, это было всё за счет молодости, здоровья, энергии и, конечно, мужества.

А во многих семьях люди ничего не предпринимали для поддержания жизни. Лежали и медленно умирали целыми семьями, друг за другом. Иногда жалели расставаться с вещами, а иногда не было сил добывать пропитание.

Описать блокаду Ленинграда очень трудно. Много написано об этом страшном времени. Но я напишу только то, что видела сама, своими глазами. А этого я забыть не могу и, наверное, никогда не забуду, хотя прошло уже больше 40 лет. Не забуду серые лица изможденных людей, качающихся, как пьяные, от голода. Никто из женщин, конечно, не употреблял никакой косметики. На голове носили не шляпы, а грязные, закопченные платки. Для того чтобы их выстирать, не было ни воды, ни мыла, а часто не было и сил для этого. Зима 1941 г. была в Ленинграде очень суровая. Люди старались выходить в булочную за пайком хлеба как можно раньше утром, но так как было ещё темно, то в большинстве шли из каждой семьи вдвоем, потому что многие, будучи голодными, вырывали из рук получивших хлеб. Моя мама как-то пошла в булочную одна и, получив хлеб, спрятала его за пазуху, под пальто, и всю дорогу домой шла и кричала во весь голос, что у неё вырвали хлеб. Булочная находилась в нашем же доме, но в другом корпусе. По дороге в булочную прохожие натыкались на трупы, лежащие на площадках лестничных клеток, в подъездах и просто во дворе. Трупы лежали, завернутые в простыни или одеяла, на детских саночках или просто на земле. Ведь саночки всем ещё нужны были, чтобы возить воду из проруби. Привозили во двор покойников со всех близлежащих домов, а не только из наших, складывали штабелями, как дрова, в недействующей

кочегарке – очень большом помещении. Когда же там скапливалось много трупов, то приезжал грузовик, увозил их на кладбище и хоронил в братской могиле. Очень редко и мало кто имел силы на саночках отвезти своего покойника на кладбище, а там платить хлебом могильщикам, чтобы они вырыли могилу в мерзлой земле и похоронили покойника. Вот поэтому и привозили их в наш дом, потому что знали, что хоть в общей могиле, но их предадут земле.

Вначале я содрогалась от этого зрелища, а потом привыкла, как и все остальные, и не реагировала. Часто шла по улице и видела бредущего, качающегося человека. Если он падал, это значило, что это конец – подняться он уже не мог, и у прохожих не было сил его поднять, и он засыпал, замерзал и умирал. Особенно это относилось к мужчинам. Они не выдерживали голода и обычно умирали раньше женщин. Полные же женщины жили дольше худых. Врачи говорили, что они питаются за счет собственного жира. Так было со мной. Но я потеряла во время блокады 24 кг, стала совсем худая, помолодела. И хотя мне было 28 лет, а моей сестре – 18 лет, но многие посторонние спрашивали, кто из нас старше.

Сразу же в начале войны во всех частных квартирах отключили телефоны, потом электричество и центральное отопление, так как не было топлива, затем замерзли водопровод и канализация, прекратилось движение общественного транспорта. Трамваи стояли на улицах засыпанные снегом, а люди бродили пешком как тени.

Однажды мы получили письмо с фронта от дяди Яши, папного брата, что он послал нам продуктовую посылочку с едущим в Ленинград знакомым с фронта, и нам нужно пойти за ней в район Сенной площади. Я с сестрой Валею собралась рано поутру в путь. С большим трудом дошли от Выборгской стороны до Сенной. Но посылку не получили. Уж не помню, что нам там ответили: то ли съели её, то ли не получили. И мы пустились не солоно хлебавши, пешком в обратный путь.

Но когда мы уже очень устали, то увидели проходящую грузовую военную машину и попросили нас подвезти. Ребята там сидели молодые, и они с шутками и прибаутками всё спрашивали, кто же из нас двоих старше. Я всегда выглядела моложе своих лет, а моя сестра, наоборот, старше. Когда мы пришли в свой двор, нас встретила мама, которой удалось купить у кого-то бревно, и вот она сама тащила его. Ещё издали она спросила нас

жестами, получили ли мы посылку. А мы, как по команде, повернулись к ней спиной и показали пустые рюкзаки, которые мы взяли с собой на случай, если получим продукты.

Но были люди в Ленинграде, которые не голодали, работающие, в основном, в торговой сети. Они не только сами были сыты, но помогали своим родным и близким, а часто и спекулировали этими продуктами, обменивая на лучшие вещи, драгоценности и мебель. Причем многие из них вели себя нагло, не стыдясь своей сытости перед голодными. Чтобы выжить, мы не брезгали ничем. Иногда маме удавалось купить картофельную шелуху, и она делала из них оладьи. Иногда падала поблизости от голода лошадь, и возница её тут же потрошил и продавал эту конину. Все с удовольствием её покупали и готовили из неё котлеты. В общем, делали всё, чтобы выжить.

Однажды мама познакомилась на рынке с одним молодым мужчиной, который нам очень помогал с продуктами. Я даже теперь не помню, кем и где он работал, но он приходил к нам домой, и мама отдавала ему всё, что он хотел. А потом он помог нам уехать из Ленинграда по «дороге жизни», через Ладожское озеро, когда открылся этот путь. Но он не был торговым работником или каким-то ответственным работником. Это случилось позднее, и я ещё вернусь к этому времени.

А пока мы очень бедствовали, и у нас не было никакой надежды, что мы выживем. И я уже написала об этом в письмах к мужу, дяде Яше и другим родственникам. Мой дядя Яша, находящийся по другую сторону Ленинграда, то есть вне блокады, занимал большую должность – начальника снабжения дивизии, а кроме того, в начале войны ещё работали на фронте магазины «Военторга», где можно было купить всё, что угодно за наличные деньги. Он несколько раз посылал грузовую машину, чтобы по очереди вывезти нашу семью из блокадного Ленинграда. По очереди – потому что у каждого офицера в Ленинграде были родные, и хотелось всех постепенно вывезти. Но я всё время отказывалась, мне хотелось выехать только всей семьей, вместе с родителями и сестрой, а это было невозможно.

Однажды он даже прислал крытую машину с печуркой внутри, чтобы забрать меня с Инночкой, а в следующие разы – остальных членов нашей семьи. Но я всё равно отказалась. В те годы было много случаев, когда семьи терялись – и на всю жизнь, больше уже никогда не встречались. Затем дядя Яша послал нам с фронта колоссальную продуктовую посылку, благодаря кото-

рой мы всё же выжили, подкрепили папу, который даже уже не вставал с постели, и поэтому имели возможность уехать из Ленинграда. Там были крупы, сухари, мыло, чай и много других продуктов.

Зимой 1941 – 1942 гг., когда нам стало особенно тяжело в Ленинграде, мы начали серьёзно думать об эвакуации.

В конце августа 1941 г. с фронта приехал Марк в Ленинград на грузовой машине с группой солдат. Он привез пакет в Смольный Ворошилову. Марк предложил вывезти нас из Ленинграда без вещей, только с рюкзаками с самым необходимым. Мы ещё тогда не созрели для эвакуации. Я спросила Марка, что он думает, будут ли в Ленинграде немцы. Он ответил мне, что в город они не войдут, но будет очень и очень тяжело жить. И тогда я сказала, что уезжать без вещей, голой и босой, я не могу, а если уж придут немцы, то я всегда смогу уйти с рюкзаком за спиной и рёбёнком на руках вместе с советскими войсками.

В те дни было завершено окружение Ленинграда, и для того чтобы вернуться в часть, Марк обратился в Смольный к начальнику тыла Ленинградского фронта, генерал-лейтенанту Мордвинову, к которому у Марка было письмо и пакет от представителя Главной ставки генерал-майора Ермошкевича, непосредственного начальника Марка. Генерал-лейтенант Мордвинов удовлетворил просьбу Марка и разрешил ему вернуться в свою часть по Ладожскому озеру на военном судне, а машину и солдат передать коменданту города. Заодно обещал помочь его семье в случае необходимости.

Переплыв Ладожское озеро на канонерке, а дальше на попутных машинах, Марк с трудом добрался до штаба своей армии.

Когда нам стало особенно трудно в блокадном Ленинграде, я, памятуя об обещании генерал-лейтенанта Мордвинова оказать нам помощь, обратилась в Смольный, в штаб тыла с просьбой об эвакуации моей семьи и родных из Ленинграда. Но получила ответ, что меня с дочкой они могут вывезти на самолете, а родителей и сестру – нет. И я отказалась от этой помощи. И начала искать другие способы эвакуации. Я побывала в военкомате и в пункте эвакуации офицеров. Но всюду мне предлагали вывезти меня с дочкой, а родители и сестра должны были остаться, обречённые на голодную смерть. С этим я, конечно, согласиться не могла, и везде отказывалась от такой помощи. В то время я больше всего боялась, чтобы наша семья не растерялась в разных

концах страны, а таких случаев было немало.

В это время уже действовала ледяная трасса через Ладожское озеро, где перевозили людей на автобусах. Эти переезды, конечно, не обходились без трагедий. Дорогу обстреливали, машины проваливались под лед вместе с людьми и детьми. И всё же многие решались на этот рискованный переезд, только бы выбраться из блокадного города смерти.

И вот тут-то нам помог мамин знакомый, кажется, его звали Владимир Николаевич, которому мама отдавала всё, что он хотел, в обмен на продукты. Кем он работал и откуда брал продукты, мы не знаем. Он взял нас в автобус, который направлялся через Ладожское озеро, со всеми нашими огромными тюками, которые лежали упакованные ещё с лета, когда мы должны были уехать с заводом «Красная заря». Никто из нас уже в это время не мог их поднять или передвинуть. И для того чтобы их погрузить в автобус, мы общими усилиями катили их вниз по лестницам с 4-го этажа и так же втиснули в автобус. Нашу 3-хкомнатную квартиру мы оставили на попечение 2-х сестёр нашей бывшей домработницы Тони. Её мать, тётя Дуся, жила в соседнем доме специалистов по Лесному проспекту 61, она служила там тоже домработницей в одной семье. Та семья тоже эвакуировалась, а тётя Дуся осталась в их квартире, которая находилась на первом этаже, а так как мы жили на 4-ом этаже, то мы перед отъездом многое занесли к тётю Дусе в целях безопасности. Так все считали, что на первом этаже менее опасно, чем на 4-ом.

Мама попросила Марка, во-первых, перевести всю нашу квартиру на его имя, чтобы она считалась квартирой военнослужащего-фронтовика, и в этом случае её не могли занять. А до войны одна наша комната была на имя Марка, а остальные две – на имя папы. А во-вторых, мама просила Марка помочь прописать двух сестёр Тони в нашу квартиру. Для них это было спасением, т.к. они хотели остаться в Ленинграде, а для нас тоже удобно, т.к. квартира была всё же под надзором. Марку удалось осуществить обе мамины просьбы. Возможно, поэтому наша квартира сохранилась, её никто не занял.

Итак, мы уехали из Ленинграда 26 февраля 1942 г. на автобусе через так называемую «дорогу жизни» – Ладожское озеро. В то время уже прибавили нормы выдачи хлеба, и мы получали его по 200 г на человека. Переезд через озеро был очень тяжелый и страшный. Помимо опасностей, подстерегавших в пути, был сильный мороз, и у меня затекали и коченели руки оттого, что я

много часов держала завернутую в ватное одеяло 7,5-месячную дочку. Ехали мы в темноте и ночью, наконец, проехав озеро, попали на станцию, где стоял товарный эшелон с людьми из Ленинграда, готовый к эвакуации. Мы с трудом общими усилиями втиснули наши тюки в вагон и, обессиленные, сами влезли в него. Именно влезли, потому что никаких ступенек не было, а платформа была очень высоко. Посреди вагона стояла печурка, а вокруг на нарах полно народу. Все изможденные, худые и страшные. В пути на некоторых станциях эвакуированных кормили горячими обедами, но предупреждали, чтобы люди не набрасывались на еду, потому что было много смертельных случаев из-за того, что после голода переедали.

Да и помимо этого многие были настолько ослаблены, что не могли выдержать трудностей пути и умирали прямо в вагоне. Покойников на ближайших остановках выносили и неизвестно где хоронили.

Через два дня после нашего выезда из Ленинграда нам доставили посылку с продуктами от Марка с фронта. Зная тяжелое положение ленинградцев, многие офицеры собирали все, что у них было, и закупали в военторговских магазинах все имеющиеся там продукты. С разрешения командующего армии все это отправлялось в Ленинград на грузовой машине через Ладожское озеро. У начальника штаба армии генерал-майора Ярмошкевича в Ленинграде жила родная сестра, Нина Сергеевна, начальник паспортного стола Ленинграда. Генерал и попросил Марка собрать и для неё с семьей посылку. Посылка для нас была такая обильная, по словам Марка, это мы могли бы прожить очень прилично до конца войны. Но, к сожалению, она уже нас не застала. Когда эта машина въехала во двор нашего дома и остановилась, чтобы узнать, где находится нужная квартира, то шоферу попалась на встречу жена брата Марка Сени – Люба, которая сказала, что мы эвакуировались, а она тоже Беккер, и всё добро досталось ей, благодаря чему она и выжила. Мы же, попав в товарный эшелон, двинулись ночью в путь, направляясь на станцию Тихорецкая.

Но многие люди выходили в разных местах, где у них были родственники, желая с ними объединиться. И, в конце концов, наступил такой момент, когда мы остались в вагоне одни. Я взяла с собой из Ленинграда большую географическую карту Советского Союза и, посмотрев на неё, я поняла, что наш эшелон направляется прямо в руки немцев. Станция Тихорецкая уже несколько раз переходила из рук в руки – от советских войск к нем-

цам и обратно. И получилось, что мы уехали из Ленинграда от голода и обстрела, а попали прямо на погибель к немцам.

И тут моя интуиция подсказала правильное решение уже во второй раз и спасла от верной смерти и меня и всю семью. Уже на последнем, возможно, полустанке, где поезд стоял одну минуту, мы выбросили наши вещи и выскочили сами почти на ходу поезда, который ушёл пустым в своём направлении. Это были страшные дни. Мы, конечно, очень намучились, но зато остались живы.

С этого полустанка шёл рабочий поезд до станции Мичуринск. Мы опять с трудом втиснулись в него с нашими тюками. Приехали в Мичуринск поздно вечером в темноте, начали перетаскивать вещи окружным путём в помещение станции. Нас было четверо взрослых и моя маленькая дочка. Тут к нам подошёл парень, предложивший помочь. Он взял один тюк, и я пошла с ним. Но кругом было затемнение, и он ушёл в темноту вместе с тюком, оказавшись обыкновенным вором.

Тут же мы приняли решение поехать в Уфу. Я знала, что там живет мама Марка и младшая сестра Рая с мужем Сережей, эвакуировавшиеся с заводом имени Карла Маркса из Ленинграда. В Мичуринске мы сдали большую часть вещей в багаж до станции Уфа, потому что они нас уже замучили. И начался наш трудный путь туда, со многими пересадками, с большими мучениями, так как билеты невозможно было достать, хотя у меня был военный литер от мужа-фронтовика. Тогда это очень котировалось. Тем не менее, мы ехали на товарняках, платформах, а иногда и в пассажирских вагонах, валялись на вокзалах разных станций. И всё это усугублялось тем, что у меня был грудной ребёнок, а грудного молока почти не было, и она всегда была голодная и кричала от этого.

Но самое большое приключение случилось с нами в Саратове. Моя доченька заболела там токсической диспепсией, от которой в большинстве случаев дети умирают. Но в начале она просто плакала. Я держала её на руках в помещении вокзала, а она кричала и кричала. Неожиданно какой-то офицер спросил, почему она так кричит и почему я не могу её успокоить. Я сказала, что она голодная, а я не имею, что дать ей кушать. По моему виду и безнадежному выражению глаз он всё понял, снял рюкзак, выбросил всё на окно и в самом низу у него оказалось несколько белых сухарей, которые он мне дал, посоветовав пойти достать кипятка, размягчить их и накормить ребёнка. Я положила

её на подоконник, он смотрел за ней, а я пошла искать кипятилок на станцию, но его не оказалось, и я вернулась ни с чем, а Инночка всё плакала.

Тогда он сказал мне: «Размочите сухари во рту, слюной, а потом дайте их ребёнку». «Не могу я этого сделать», – ответила я. «Так она же умрет у вас!». – «Не могу!».

Потом Инночка затихла, перестала плакать и реагировать, и я поняла, что ребёнок у меня погибает. Бросилась в медпункт прямо на станции, но меня оттуда стали выталкивать, говоря, что там кругом тифозные и посоветовали обратиться в железнодорожную поликлинику напротив вокзала. Там врач, осмотрев её, поставил диагноз: токсическая диспепсия. Выписал рецепт на лекарство, сказал, что ей нужно положить грелку, и когда я объяснила ему, что мне нужно ехать в Уфу, то он ответил: «Можете ехать или не ехать, для неё это всё равно», то есть она всё равно умрёт. Ведь она даже не улыбалась, не плакала и ни на что не реагировала. В детскую комнату при вокзале меня с ней тоже не пускали, потому что не было мест, а ребёнок больной. В это время мы, будучи в столовой для эвакуированных в Саратове, встретили друзей моих родителей из Ленинграда: Ревекку Ефимовну с мужем. Они приехали в Саратов к её родному брату, врачу, который жил в этом городе ещё с довоенных лет. И они дали нам его адрес.

И вот в эту трудную минуту мы решили поехать по этому адресу в надежде, что они дадут приют мне с больным ребёнком. Но хозяев не было дома. Была их домработница и Ревекка Ефимовна. Когда она нас увидела, то затряслась от страха, говоря, что сейчас должна прийти невестка – жена брата, и она нас выгонит, потому что боится заразы тифа. Но я за это время успела сходить в аптеку, принести лекарства ребёнку, а домработница дала ей тёплого чаю и грелку, и ей сразу стало лучше.

Когда же пришла хозяйка дома, то она тут же велела нам уйти, потому что свирепствует эпидемия тифа. А домработница даже заплакала от жалости и пошла с нами к разным соседям в надежде найти для нас комнату на некоторое время. Но ей это не удалось. Моя мама всю жизнь благословляла эту добрую женщину и с отвращением вспоминала о её хозяйке. А нам ничего другого не оставалось, как вернуться на вокзал.

Но так как был уже вечер, вокзал закрыли, и только через узкий проход пропускали военных из стоящих в очереди. Когда очередь дошла до меня, то милиционер стал меня отталкивать,

говоря, что мест нет. Я была в таком отчаянии, что сделала попытку отдать ему ребёнка, крича и плача: «Тогда возьмите её, мне некуда деться».

Вдруг стоящий сзади меня офицер подскочил к нему, схватил за лацканы шинели, говоря ему: «Ах, тыловая крыса, ты ещё издеваешься здесь над женщинами с детьми!». И отшвырнув его в сторону, пропустил меня с ребёнком и мою маму в здание вокзала.

У Инночки был жуткий понос, пеленок не было, стирать где было, и мы вытаскивали из багажа, что попадало: простыни, наволочки и другое бельё, и подкладывали ребёнку, а потом выбрасывали. Тут мы познакомились с уборщицей вокзала, и она порекомендовала нам место у одной женщины. В этой семье была одна комната, где стояла одна кровать. Мы все легли в эту кровать, по которой ползали огромные вши. Как мы не заразились тифом, уж и не знаю. Вдруг ночью в соседней комнате возник пожар. Пришла соседка с работы, зажгла печурку и легла спать, а одеяло прикоснулось к печке и загорелось. И мы все выскочили на мороз с ребёнком.

Наконец мы с большим трудом закомпостировали билеты и должны были уехать в нормальном пассажирском поезде. Опять с трудом погрузили наши вещи, распихали их под разными полками в разных купе. Пассажиры, в большинстве военные, стали спрашивать, откуда мы едем. Узнав, что из Ленинграда, все интересовались, что там делается, какова жизнь, потому что в печати не было никакой информации о Ленинграде. Один спросил у моего папы, правда ли, что там едят кошек и собак и даже умерших людей. Уж не знаю, что папа ответил. Поезд уже должен был отправляться, но его задержали. Пришли милиционеры и отца арестовали и увели, а нам сказали, что мы можем ехать, но мы, конечно, опять вытащили все свои вещи и остались в Саратове. Все наши вещи перерыли, сделали обыск. Ничего у нас нездорового не было. Увидели наш фотоаппарат «ФЭД» и хотели его конфисковать, но я понимала, что это незаконно, и не отдала.

Мы пробыли ещё некоторое время в этом проклятом городе, о котором я до сих пор не могу вспоминать без содрогания, и уехали. Папу же осудили. Он был в тюрьме, голодал, мучился, но потом вернулся и нашел нас в Раевке в Башкирской АССР.

Когда мы убедились, что больше ничем помочь папе не можем, мы продолжили свой путь. Я написала Марку на фронт об этом инциденте.

В марте 1942 года Марк уже был награждён орденом «Красной звезды» и получил досрочно звание капитана. Ещё в конце августа 1941 г. его представили к ордену боевого «Красного знамени» за спасение жизни представителя ставки генерал-майора Ярмошкевича, за успешные разведывательные действия с уничтожением 10 человек немцев, с доставкой документов противника в штаб 27-й армии Северо-западного фронта. Но поскольку Марк числился пропавшим без вести после разгрома дивизии, в которой он служил, то награждение не было оформлено. Лишь в декабре 1941 г. после запроса штаба армии выяснилась причина задержания награждения, и фронтом уже было оформлено награждение орденом «Красной звезды».

Получив моё письмо об аресте папы, он прочитал его своему начальнику, генерал-майору Ярмошкевичу, тот поговорил с членом военного совета, который позвонил в штаб фронта члену военного совета с просьбой принять меры по освобождению моего отца. И действительно, через несколько месяцев он был освобожден. Мы все мечтали добраться до Уфы, но этот путь был для нас очень трудным из-за невероятного количества пересадок, полуголодного состояния, а главное – нечем было кормить грудного ребёнка, больного диспепсией.

Помню, как на одной из станций, проходя по платформе, я увидела разговаривающих между собой офицеров, один из которых держал подмышкой буханку белого хлеба. Я остановилась и безумными глазами смотрела на этот хлеб. Когда офицер спросил меня, что со мной, я стала просить его продать или дать мне кусочек хлеба для моего умирающего ребёнка. Он, конечно, отрезал и дал мне ломоть без денег. В другой раз я увидела у кого-то белые баранки и тоже стала просить для Инночки. Мне также не отказали.

И так мы добрались до Уфы. Каково же было наше разочарование, когда там мы узнали, что маму Марка с Олей и её первой дочкой, Аллочкой, перевез в Свердловск приехавший к ней первый муж, Миша Богорад, работавший тогда в НКВД на фронте. Но мы разыскали младшую сестру Марка, Раю с мужем Сергеем, которые работали в Ленинграде на заводе имени Карла Маркса и были эвакуированы с заводом летом 1941 года. Жили они недалеко от завода в бараке, где имели одну маленькую комнату. Мы переночевали у них одну ночь и приняли решение поехать туда, куда нас направит эвакуопункт Уфы.

Нас направили в поселок Раевку, туда нужно было ехать в

обратную сторону 130 км. Выгрузившись на станции, мы с мамой пошли в поселок искать комнату, а Валя с Инночкой остались нас ждать. Это было уже в конце апреля. Грязь там была такая, что стягивала обувь с ног. В течение нескольких дней мы спали на станции, никто не хотел сдать нам комнату. Наконец, одна добрая женщина сжалилась и сдала нам маленькую комнатку, а сама с двумя детьми жила на кухне. Вот так, ровно через два месяца после выезда из Ленинграда мы получили кров неизвестно на какое время.

Мы развернули из пеленок и одеял моего ребёночка. Ей уже было 10,5 месяцев, но она еще даже не могла сидеть, так как от самого рождения была завернута и завязана сначала на случай тревоги, а потом в пути. Тельце у неё было всё сморщенное, как у старушки, она была худенькая и малоподвижная. Я, мама и Валя спали на полу, упираясь головой в одну стенку, а ногами – в другую, такой ширины была комната. Инночку мы опять таки пеленали на ночь, укладывая спать на единственном имеющемся в комнате маленьком столике. Затем мы договорились с соседкой, у которой была коза, что она будет продавать каждый день по пол-литра парного козьего молока, которым мы поили Инночку. Она быстро стала поправляться от него и от хорошего деревенского, свежего воздуха. Начала ползать, потом сидеть и, конечно, поздно ходить. Летом 1942 г. в один прекрасный день, когда я шла от колодца с двумя ведрами воды, ко мне навстречу подбежал хозяйкин сынишка и кричал: «Тётя, ваш дядя приехал!»

Я никак не могла понять, о чем он говорит. И вдруг увидела Марка, идущего мне навстречу. У меня всё помутилось в глазах, и я чуть не потеряла сознание. Остановилась и поставила ведро с водой. А Марк, увидев меня, тоже остановился и, всплеснув руками, произнес: «И это моя жена? Полжены Гитлер съел!». Эту последнюю часть фразы он потом писал всем своим братьям на фронт. Как он потом рассказал мне, с фронта была командировка в г.Уфу, в академию генерального штаба, расположенную там же. Он долго не получал от меня писем, и когда стало известно, что мы в Башкирии, то ему предложили эту командировку с тем, чтобы он мог навестить нас и помочь с обустройством. Но сперва ему нужно было попасть в Уфу.

Он предложил мне поехать с ним. А я, забыв от счастья, что являюсь кормящей матерью, уехала с ним. Конечно, в груди у меня всё равно почти не было молока, но всё же считалось, что ле-

том нельзя отлучать ребёнка от груди.

Когда мы вернулись обратно в Раевку, и я попробовала дать Инночке грудь, она двумя ручками оттолкнулась от груди и не захотела её брать. После того как я не видела её несколько дней, она показалась мне какой-то повзрослевшей и изменившейся.

В Уфе мы навестили Раю с Сережей, Марк выполнил своё задание, и мы вернулись обратно в Раевку.

Марк обратился в местный военкомат с просьбой помочь его семье. Надо сказать, что тогда ещё к фронтовикам относились с большим уважением и никаких признаков антисемитизма не было. Как пример, могу привести такой случай. Когда мы возвращались от Раи и шли к автобусу, то встретили его уже в пути, отошедшим от остановки. Тем не менее, водитель остановил автобус и сказал: «Садитесь, товарищ фронтовик». Марк уже в то время носил орден «Красной звезды», а это ещё была редкость.

Мы ходили из дома в дом, пока набрели на большой, добротный дом, где хозяева сидели в это время за столом и пили чай из самовара. Мы спросили, нет ли у них комнаты, чтобы сдать нам. Они ответили, что есть комната с маленькой спальней, и что нам они её сдадут, а вот когда приходили евреи, то они не хотели сдавать, потому что им все говорили, что когда придет Гитлер, то повесит и евреев, и тех, у кого они живут.

Марк им, конечно, ответил, что все люди одинаковые независимо от национальности. Дело в том, что они в жизни не видели евреев. Они были бывшие кулаки – богатые крестьяне, давно попавшие в Башкирию. И первые евреи, которых они увидели там, были из маленьких местечек Украины и Белоруссии, которые плохо говорили по-русски, с акцентом и картавили. Поэтому, слыша наш хороший русский язык, да ещё светлые волосы у Марка и Инночки, они нас не приняли за евреев. Марк нас перевез на новую квартиру, получил немного топлива и уехал обратно на фронт. Хозяева же долгое время не верили, что мы евреи, а я им доказывала обратное. Я не привыкла скрывать свою национальность. Когда же я их убедила в этом, то они стали требовать, чтобы мы освободили их квартиру.

Но в это время уже наступила зима с сильными морозами, и переезжать было невозможно. Мы им обещали, что весной найдем другую квартиру и уедем от них. Они же, не желая ждать, еще в марте, когда на улице ещё завывала вьюга, вдруг выставили окна под предлогом ремонта дома, и мороз стал гулять в на-

шей комнате. Я в это время была дома одна с ребёнком. Я по-хорошему просила этого не делать, но хозяин поступил по-своему. Когда пришла домой мама, она осталась с Инночкой, а я пошла к начальнику местного отделения НКВД, Фомичеву, и рассказала ему об этом издевательстве. Он дал мне повестку для хозяина квартиры, чтобы он немедленно явился к нему. После посещения Фомичева он немедленно вставил рамы и успокоился, а с приходом весны мы нашли у другой хозяйки маленькую комнату и переехали к ней, где и прожили до конца эвакуации.

В этот поселок были эвакуированы семьи летного полка, все молодые женщины с детьми, и мы – жены офицеров – организовали там большую группу самодеятельности: кто пел, кто танцевал, кто декламировал, кто играл. Я тоже принимала в этой самодеятельности активное участие: пела и декламировала. Мы так развернули свою общественную работу, что обслуживали многие госпитали и воинские части. Нас возили на грузовиках на выступления. А в самой Раевке был эвакогоспиталь № 4052, где мы, помимо концертов, еще и помогали ухаживать за ранеными.

Надо сказать, что работать по специальности в этом поселке мне негде было, и я решила работать в госпитале кем угодно. По моей просьбе начальник госпиталя принял меня стажером в хирургическую, без оплаты. Но я ещё тогда очень боялась даже вида крови. Когда он меня привел в хирургическую, на столе лежал раненый с вырванной наполовину ягодицей. Увидев это, я чуть не потеряла сознание. Но взяла себя в руки и выстояла, а через три месяца стала одной из лучших хирургических сестер, помогала врачам при операциях, делала перевязки и т.д.

Конечно, мне очень помогло знание немецкого языка и латыни. Я могла читать все названия лекарств. И в трудовой книжке, которую я вывезла из Ленинграда, есть поощрения и за работу в госпитале. А после войны я получила за работу в госпитале, согласно указу СССР, медаль «За победу над Германией в 1941-1945 гг.» и ещё три медали как участница войны. Будучи среди работников госпиталя грамотнее и эрудированнее многих, я стала секретарём военно-медицинской комиссии по выписке выздоравливающих на фронт или домой. Я готовила материалы для комиссии, вела истории болезни, принимала новые партии раненых и отправляла выздоравливающих домой или на фронт, сопровождая их на станцию и обеспечивая соответствующими документами. Была знакома со всеми ответственными работниками

ми поселка Раевка и пользовалась большим уважением, поскольку что бы я ни делала, я делала с душой и хорошо. В этом уже выразался мой характер.

Моя сестра Валя осенью 1942 г. поехала в Уфу и поступила учиться в педагогический институт на английский факультет, чтобы продолжить образование. Получила место в общежитии, где, конечно, в военное время было и холодно, и голодно. Спали студенты на досках, воды не было. Голову мыли в глубокой тарелке в растопленном снегу. Но мы были молоды и всё это воспринимали со смехом и с шуткой.

Я старалась по мере возможностей получать командировки в Уфу, чтобы привозить сестре продукты и этим помочь ей. Ехать мне приходилось часто в тамбуре в мороз и непогоду с рюкзаком за спиной, а в общежитие к Вале добираться поздно ночью, по затемненному и пустому городу, что было опасно. Но я чувствовала удовлетворение, помогая сестре.

Мне как жене фронтовика выделили 0,15 га земли, и я её сама, вручную вспахала, посадила картошку, полоча и в конце сняла урожай. Получила лошадей и, научившись управлять ими, сама вывезла его домой.

Я многому научилась во время эвакуации и выполняла такие работы, о которых раньше и понятия не имела. И вообще, в разговорах с людьми, вспоминая нашу прошлую довоенную жизнь, мне часто казалось, что всё это было во сне, по сравнению с нынешней. Мы ведь родились и жили в Советском Союзе, а не на Западе, и поэтому довольствовались малым и радовались той жизни, считая её пределом мечтаний. Помню, как мне дали машину, чтобы привезти уголь на зиму с угольной шахты. Я приехала туда, и мне нужно было самой загрузить машину углём. Но это меня не испугало, так я была рада, что обеспечу свою семью топливом на зиму. Мы, жены офицеров, разгружали вагоны с мороженой картошкой, и за это получали какую-то часть её для себя. Для нас не существовало трудной работы. Мы пилили лес и за это получали тоже какую-то долю для себя.

Мы понимали, что идёт война, и это народное бедствие. Тем не менее, я всегда была чисто одета, с маникюром, хоть и без лака, который я сама себе делала, а главное – ноги, в отличие от других женщин, были у меня всегда чистые. Это даже в разговоре со мной отмечал начальник госпиталя, врач, который пытался ухаживать за мной, но его притязания были напрасны. Он даже мне как-то сказал, что я, наверное, так соблюдаю свою честь ра-

ди своей дочери. А дочери-то было тогда всего 3 года.

Писем от Марка не было ни через месяц, ни через два и далее. Я начала очень волноваться, не зная, куда его отправили, а предполагая, конечно, самое худшее. Плакала бесконечно, и тут одна знакомая посоветовала мне обратиться к одной жительнице нашего поселка, которая очень хорошо гадала. Во что только люди ни верили во время войны: и в Бога, и в черта, и в гадание тоже. Я пошла к этой гадалке, и она сказала мне примерно следующее: «У тебя большие волнения из-за мужа. Твой муж жив, и ты с ним обязательно встретишься, только не в твоём доме и не в его доме, а на нейтральной территории в казенном доме». Я была рада и этому и поверила в её слова.

А позже мне стало известно, что их отдельный полк связи отправили в Иран для обслуживания советских войск в распоряжении Закавказского фронта по договоренности с союзниками. И я успокоилась. Марк даже как-то сумел мне оттуда переслать с кем-то посылочку, в которой были рис и халва. По тому времени это были деликатесы.

Иногда у нас бывали маленькие сюрпризы. Так, однажды, совершенно неожиданно у нас появился Аркадий, старший брат Марка, единственный из братьев, остававшийся в тылу по брони, кажется, в Свердловске. Это тоже была приятная неожиданность. Затем к нам приехала тетя Рахилия, мамина младшая сестра, из Новосибирска, где была в эвакуации, и жила вместе с нами в одной маленькой комнатке. Марку удалось побывать у нас в Раевке во время войны трижды по 2-3 дня. Когда бывала командировка в Уфу, её всегда давали ему, зная, что его семья живет поблизости. Когда он написал в третий раз, что едет к нам, я ответила, может быть, лучше поехать в Свердловск повидаться со своей мамой и доставить ей радость. На что он мне ответил, что «мама будет рада, если узнает, что я был у тебя». И приехал в третий раз к нам в Раевку.

Надо сказать, как я уже писала, я не хотела сразу рожать, когда вышла замуж. Во-первых, потому что мы мало были знакомы до женитьбы, и я не знала, как мы уживёмся, а во-вторых, подсознательно боялась, что его любовь от меня перейдет к ребенку. Но когда родилась Инночка, Марк её видел первые 4 дня и, конечно, не успел к ней привыкнуть и почувствовать, что это его дочка. Он часто писал мне письма. Они были проникнуты любовью и нежностью, но часто бывало так, что он даже не вспоминал о дочке, ничего не спрашивал о ней и не передавал

привета. И тут во мне проснулись материнские чувства и обида за неё, и я написала об этом Марку, и он больше никогда не забывал о дочке. Ей же я всегда рассказывала, что её папа на войне и бьет Гитлера. И когда она видела человека в военной форме, то бросалась к нему в объятия и кричала: «Это мой папа!».

Она стала пухленькая, красивая, краснощекая, голубоглазая блондиночка, которая всех очаровывала. Но у неё был жуткий диатез; щечки были покрыты коркой. Она ночью расчесывала их, они гноились и кровоточили. Работая в госпитале, я доставала мазь Лассалья, которая ей очень помогала. Но однажды она занесла инфекцию, и под подбородком у неё образовалась гнойная опухоль. Мы с моей знакомой, Зоей, понесли её в госпиталь на руках, поочередно. Он находился довольно далеко. И главный хирург сделала ей операцию, а мне велела ассистировать и самой обработать вскрытую рану. Всё обошлось благополучно, надрез был сделан косметический, поперек, и сейчас выглядит как складка или морщинка под подбородком.

КОНЕЦ ВОЙНЫ ТБИЛИСИ

К этому времени уже прорвали блокаду, и мы начали задумываться о возвращении в Ленинград. Снова Марк связался с Ниной Сергеевной, сестрой генерала Ярмошкевича, и она послала вызов в Ленинград всей моей семье. Но мы решили, что я поеду с Инночкой к Марку в Тбилиси, вернее, в Душети, в 60 км от Тбилиси, где находилась его воинская часть.

Это был военный городок, а часть называлась «Курсы радиотелеграфистов». Марк был направлен туда помощником по технической части.

Война подходила к концу. Советские войска занимали отвоеванные города, и настроение у всех стало улучшаться, хотя жизнь ещё была очень тяжелая. Уже открылся второй фронт, которого все ждали с большим нетерпением. Вызовы моей семье из Ленинграда ещё были в пути, когда я с Инночкой села в поезд, направляющийся в Москву. Это было 11 июня 1944 г., в этот день ей исполнилось 3 годика. А родители с Валею должны были по получении вызова уехать в Ленинград. Приехала я с дочкой в Москву опять таки к Бете.

Инночка была очень похожа на неё, больше чем её собственная дочка. Она старалась её подкормить. Но её реакция вызывала у нас и смех, и слезы. Например, Бетя сварила ей рисовую кашу с изюмом, но она никогда не только не ела, но и не видела этого, и все спрашивала, выковыривая изюминки пальчиками: «А что это такое, а как это называется??». И о многих других продуктах она задавала такие же вопросы. Она до трёх лет, например, не видела сахара, белого хлеба, колбас, сыров и других продуктов.

Через несколько дней мы сели в поезд «Москва-Тбилиси», где пассажирами в большинстве были военные. Все они соскучились за время войны по детям и семьям. И все таскали ребенка на руках, выносили на остановках гулять, угощали вкусными вещами. А она ко всем шла и почти всех называла «папой». Но когда нас, наконец, встретил Марк, она почему-то не признала в нем отца и не захотела к нему пойти. Возможно, устала за время пути и закапризничала.

Когда Марк привез нас на машине в Душети, для нас началась по тем временам «райская жизнь». Нас поселили в доме, где были 4 квартиры, для начальника и трёх его заместителей. При-

чем входы в эти квартиры были с четырех разных сторон. У нас была комната метров 40, кухня метров 30 и самая необходимая мебель: кровати, стол и стулья. Но главное – мы были молоды и счастливы, что опять вместе. Солдаты приносили дрова для топки печей, еду из офицерской столовой. Потом у нас появились куры, поросята, которым тоже приносили помои – остатки из столовой и ухаживали за ними. А я сначала занялась общественной работой. Потом меня выбрали председателем женсовета.

Вскоре начальник курсов поручил мне организовать детский сад для детей офицеров. Когда же я его организовала, он назначил меня заведующей этим садом. Я сделала из него образцовое детское учреждение. Ко мне очень хорошо все относились в части и никогда не отказывали, если я что-либо просила для него. Я набрала нужный мне штат из жен офицеров, а кроме того, целый взвод солдат обслуживал его, потому что Марк был помощником начальника. Он иногда даже жаловался начальнику, что я требую особого внимания к садику, и что он не может так работать, но Петр Максимович всегда был на моей стороне. Уже после войны при встрече в Москве он даже признался в присутствии Марка, что я была его «тайной любовью». А у него была молодая жена, Каля – Калерия Сергеевна.

Я часто ездила в Тбилиси на совещание заведующих детскими садами. Делилась своим опытом. Мой сад был одним из лучших. Но, когда я отвечала на вопрос, какую должность занимает мой муж, то всем был ясен успех моей работы. Кроме того, я не нуждалась в продуктах для себя, и мне не нужно было воровать их у детей, как это принято было повсеместно в стране. У нас всё было, и мы всем были довольны.

Появились у нас там и хорошие друзья. В первую очередь, армянская семья заведующего столовой Александра Соломоновича Амирханова. Его жена, Сусанна, была для меня как мать. И наша дружба продолжалась до самого отъезда в Америку. Они приезжали к нам, их дети и внуки, а мы к ним. Это была бескорыстная дружба, длившаяся больше 40 лет – и в радости, и в горе они всегда были с нами и чувствовали все наши события интуитивно. Когда у нас случались в семье неприятности, обязательно раздавался звонок из Тбилиси, и голос Сусанны спрашивал: «Софа-джан, всё ли у вас в порядке? Что-то очень уж у меня душа болит, думая о вас?» И её предчувствия всегда подтверждались

Мои родители с Валеи, вскоре после моего отъезда к Марку,

выехали в Ленинград и, придя немного в себя, приехала к нам в гости Валя, тогда ещё молодая девушка 21 года, за которой сразу же стали ухаживать офицеры. А на следующее лето приехала мама тоже погостить у нас. Всего мы жили там год и три месяца, но я за это время научилась говорить по-грузински, во всяком случае бытовой язык я знала настолько, что часто меня просили быть переводчицей, тем более что внешне меня многие принимали за грузинку. Я тогда прилично пела и часто выступала на вечерах самодеятельности в офицерском клубе нашего военного городка. Пользовалась там большим уважением за свои личные качества и общественно-полезную работу.

К 8 марта 1945 г. командир части поручил мне организовать вечер, посвященный Женскому дню. Я организовала его в помещении детского сада и сама председательствовала. А муж в данном случае сидел рядом со мной, как гость. Вечер удался на славу, все остались очень довольны.

С начала 1945 г. уже чувствовалось скорое окончание войны, и я поделилась с Марком своим желанием иметь второго ребенка. Я всегда мечтала, чтобы их у меня было двое, а кроме того, по принципу, что после войны жизнь, конечно, ещё будет тяжелой, так с рождением ребенка будет ещё немного тяжелее. И мы перестали предохраняться. Но вскоре Марк попал в госпиталь.

И вот 22 февраля 1945 г. его отпустили оттуда в часть на два дня на празднование Дня Советской армии. Он приехал домой счастливый, так как давно меня не видел. А я стояла раскрасневшаяся на кухне, в переднике и готовила праздничные кушанья. Вдруг он схватил меня на руки, понес на диван, и я впервые в жизни почувствовала, что в меня что-то вошло, и даже закричала об этом вслух. В этот момент я и забеременела, как потом выяснилось, сыном. Но я даже боялась мечтать о сыне, никому не говорила о своей беременности. Носила его очень красиво и незаметно, чувствовала себя хорошо и также выглядела. Лицо было чистое, без всяких пятен.

Своим родителям в Ленинград я написала об этом, когда ребенок уже начал шевелиться, на пятом месяце беременности. С моими родными была буквально истерика. Они считали, что я сошла с ума, решившись в такое тяжелое время оставить ребёнка. Но, как показала жизнь, я сделала правильно, потому что вряд ли, вернувшись в Ленинград, решилась на такое. Уж слишком всё было сложно. Когда я рассказала о своей беременности

Сусанне, она стала относиться ко мне с ещё большим вниманием и заботой. Если я стирала дома белье, а делали это тогда древним способом, вручную на металлической доске, то я всегда стирала кожу на руках до крови. Сусанна приходила, прогоняла меня от корыта и стирала сама. Таких добрых и отзывчивых людей мне ещё не приходилось в жизни встречать.

Сусанне было 15 лет, когда Александр влюбился в неё, выкрал и женился на ней. Но вскоре ей пришлось удалиться в разное время груди и матку, а детей у них не было. Тогда они взяли в многодетной семье брата Александра маленькую девочку Офелию и воспитали её, а затем и её детей и внуков. Лучших родителей, чем они, даже трудно себе представить. Они дали даже образование и техническое, и музыкальное, и всю жизнь помогали и возились с ней и её семьей. Дважды выдавали её замуж, а на Кавказе ведь нужно обязательно с приданным. В общем, переживаний у них было, как у всех родителей, в полную меру.

Когда я сказала Сусанне, что если у меня будет сын, то я бы хотела обязательно сделать ему обрезание, то она оббегала всех своих знакомых евреев и нашла того, кто этим занимается, и обещала мне, что мое желание будет выполнено. Но после войны наша воинская часть была расформирована, и мы уехали в Ленинград, где и родился наш сын. Но подробнее я напишу дальше.

А сейчас хочу вспомнить ещё один интересный эпизод из нашей жизни на Кавказе. О том, как у нас появилась собака Аллан.

Как-то Марк поехал на машине с группой офицеров в другой город, и там к нему пристала чудесная тёмно-рыжая собака из породы ирландских сеттеров. Сколько он её ни гнал, она никак не хотела уходить от него. Тогда он посадил её в машину и привез домой, в Душети. Я пришла в ужас, я не привыкла держать в доме животных, да и вообще совершенно равнодушна к ним.

Пришло лето, и мы опять уже в кемпе с 12 июня, и я начинаю продолжение своей «саги». За всю зиму я ни разу не села за свое писание, совершенно нет времени; хотя мы и не работаем, день у нас загружен до предела. Постараюсь, как можно больше написать в кемпах.

А теперь хочу продолжить эпизод с собакой, на котором я остановилась в конце прошлого лета.

Привезенную Марком собаку мы назвали Аллан. Она, видимо, чувствовала моё равнодушие, и поэтому ходила за Марком по пятам по военному городку Душети. Когда он заходил в штаб

или другое помещение, Аллан оставался на улице у входа и ждал его возвращения. Он был ему очень предан и, видимо, благодарен. По городку ходила даже такая шутка: «Если нужно найти майора Беккера, посмотрите, где сидит его собака». Однажды на Аллана обратил внимание местный житель, грузин, и попросил дать ему нашу собаку для случки с его сучкой. Марк разрешил, но когда через 3 дня он вернулся, мы обнаружили, что у него что-то случилось с ногами: их вроде парализовало, и собака не могла ходить. Она лежала. Когда Марк повез её к ветеринару, тот сказал, что её нужно застрелить. Но Марк не мог и не хотел этого сделать. И мы стали ухаживать за ней. Марк каждое утро перед уходом на работу выносил её в сад и клал на подстилку, а я подносила ей еду и кормила её. Вечером Марк на руках заносил её в дом и клал на кровать, которая стояла в кухне специально для неё. По прошествии нескольких месяцев она стала подниматься на ноги, и когда окрепла, то начала ходить повсюду уже следом за мной. Не отходила от меня ни на шаг. Я это восприняла как благодарность собаки за то, что ухаживала за ней. И это было очень трогательно. Когда же пришло время уезжать в Ленинград насовсем, то мы нашли хорошую семью повара из соседней воинской части и отдали Аллана ему. Но эпизод с ним остался у меня в памяти на всю жизнь.

**Mark with his beloved friends Amirhanov family -
Alexander with his wife Susanna and granddaughter Allochka.
Tblisi, Georgia, Soviet Union.**

Friendship is lasting between few generations, from 1944 till today.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД РОЖДЕНИЕ СЫНА ЖОЗА

Теперь я продолжу рассказ о том, как мы уезжали из Тбилиси в Ленинград в связи с реорганизацией воинской части, в которой мы жили. Это было в августе 1945 г., я была уже беременна сыном на 7-м месяце, а Инночке только исполнилось четыре года. Из Душети мы приехали в Тбилиси к нашим друзьям Амирхановым. Они нас очень хорошо встретили, уступили свою спальню, устроили нам проводы, пригласили много гостей и сделали традиционный шашлык. Вкус их шашлыков я никогда не забуду. Несколько дней мы прожили у них и поехали в Ленинград через Москву, с остановкой у Бети, сестры Марка. В это же время там была Рая, младшая сестра Марка, тоже беременная вторым сыном Юрой, а сама Бети была беременна второй дочкой – Ирочкой. Интересно, что у Бетти уже была дочка, и им хотелось сына, но она родила дочку. У Раи был сын, и им хотелось дочку, но она родила второго сына, и только у нас родился сын, при наличии первой дочки – как раз, как нам и хотелось.

Мы все трое родили по второму ребенку. Мы приехали в Ленинград, в нашу квартиру на Лесном проспекте, где жили вместе с моими родителями и до войны, и имели одну из 3-х комнат площадью в 16 кв.м. Марк нас привез и должен был ехать обратно в Москву в запасной танковый батальон, так как его ещё не демобилизовали. А я осталась с родителями в Ленинграде, с Инночкой и на 7-м месяце беременности.

Опять я была без Марка в последние месяцы моей второй беременности. Он бывал в Ленинграде наездами. Наконец, наступил день родов – 17 ноября.

Вдруг раздался звонок в дверь, и когда я открыла, оказалось, что это Ароша, брат Марка, который ещё тоже служил в армии, а в этот день приехал в Ленинград с Карельского перешейка.

Он пробыл у нас день и сказал, что пойдет к «даме сердца» и там останется ночевать. Но я его попросила, чтобы он ночевал у нас в субботу и воскресенье, предполагая, что в эти дни наступят роды у меня. Я, конечно, удивилась его возвращению в два часа ночи в субботу, но он ответил, что его почему-то потянуло приехать к нам. И предчувствие его не обмануло.

Нужно было идти в роддом. Ароша был через 2 минуты уже одет и смотрел на меня с удивлением. А я между схватками застелила свою постель, оделась, привела в порядок лицо, покра-

сила губы, взяла всё необходимое с собой и только тогда сказала Ароше, что готова идти. Он был потрясен моим поведением и сказал, что если так все рожают, то это совсем не страшно, да и выглядела я во время беременности очень хорошо.

Я была вся бело-розовая, без пятен на лице, свежая, да и животик не уродовал меня. Педиатрический институт, где я собиралась рожать, находился недалеко от нашего дома. Ароша пошел меня сопровождать, но когда мы пришли в приемный покой, то дежурная сказала, что родильное отделение закрыли сегодня на ремонт, и больше никого не принимают, но мы стали просить принять меня, так как живем рядом, да и идти ночью я никуда не могу. Тогда дежурная нянечка пошла за перегородку к врачу, наверное, она спала там, и сказала ей о нас, а та спросила, кто меня привел и, услышав, что офицер, военный, велела принять.

В 8.55 минут я уже родила сына, немного легче и быстрее, чем дочку. Но старые швы всё равно порвались и пришлось их накладывать снова. Когда я ещё лежала на столе, пришла санитарка и спросила, кого я родила, мол, «муж пришёл». Но мой муж был тогда в Москве, а это пришёл его брат, Ароша, но я промолчала об этом, сказав, что у меня сын. Узнав у моих родителей, что Ароша пошел в больницу, за ним побежал и Сеня, а в это же время вдруг приехал Саша и тоже пошел за ними. Итак, три брата Марка оказались там, а поскольку они очень похожи, то никто не мог понять, кто же муж. Услышав, что я родила сына, они очень обрадовались и закричали от радости, а нянечке стали совать деньги в благодарность за сообщение.

Потом она пришла ко мне во второй раз и спрашивает: «Какой он?» Я, конечно, поняла, что их интересует, и велела передать, что «беленький». Это означало, что ребёнок Беккеровский, что им, конечно, было очень приятно.

А Марку послали телеграмму в Москву и поздравили с сыном, и он приехал на другой день. Придя в больницу, он послал мне с нянечкой письмо, в котором поздравлял с сыном. Когда я увидела это письмо, то, конечно, очень обрадовалась и закричала: «Это от мужа!». Но она стала спорить со мной, что его принес совсем другой мужчина, а моего мужа она знает, считая Арошу, который привел меня, моим мужем. Но когда я стала с ней спорить, она махнула на меня рукой и сказала, что она уже совсем сбилась и не понимает, кто из всех этих мужчин мой муж.

Потом Марк пришёл с Инночкой, а так как в Союзе не пус-

кают никого к роженице, то я показала им ребёнка в окно, запеленатого как кукла. На восьмой день меня выписали домой, такое правило в Союзе. Придя домой, начались наши будни со своими заботами: купанием, стиркой, кормлением и т.д. Кроме того, я сказала, что хочу сделать сыну обрезание, и мой папа пошел в синагогу и договорился, когда они придут к нам домой сделать этот обряд. А затем у нас произошла дискуссия об имени для ребенка.

Мне хотелось назвать его Геннадием, но моя мама очень возмущалась, сказав, что мы своих детей будем называть по кошечкам и собачкам, а не по умершим родственникам, как положено по еврейскому закону. Она настаивала, чтобы мальчика назвали Иосифом, в память отца Марка. Но мне не нравилось это имя, хотя Иосиф Сталин был тогда в зените славы. Интересно, что мама Марка была тогда в Москве и ни на каком имени не настаивала.

Но в нашем доме разразился такой скандал, что со мной была истерика. Я думала, что потеряю молоко, которого у меня и было-то не очень много. Но Марк разрешил наш спор. Он не хотел огорчать меня и не хотел спорить с моей мамой. Он предложил при обрезании записать его по-еврейски Иосифом, а в метрике соответствующее Иосифу – Юзеф, Джозеф или Жозеф, на польском, английском или французском языке. И я выбрала Жозеф, но просила, чтобы это имя было записано в метрике, и чтобы не получилось, как у Инночки, которая в метриках была записана Полина, по папиной сестре, а всю жизнь называем её Инна. Марк так и сделал, как я просила.

Для того чтобы совершить обряд обрезания нашему сыну, мой папа пошел в синагогу и договорился там о времени. В назначенный день пришли к нам домой «мейл» со своим помощником и произвели этот обряд в нашей комнате. «Квотерами» или по-русски «крестными» мы просили быть Арона, брата Марка, который уделил мне очень много внимания во время беременности, и мою сестру Валю. Собрались у нас большинство родственников, вернувшихся уже после эвакуации и с фронта в Ленинград. Мы приготовили праздничный стол и после совершения обряда отпраздновали это событие.

Надо сказать, что во время обрезания я и покойная Валя, жена Левы, брата Марка, стояли за стулом, на котором сидел Ароша и держал младенца. Мы смотрели на совершение этой процедуры только две из всех присутствующих женщин. И Валя, русская по национальности, у которой к тому времени уже было два

сына, сказала мне, что если у неё будут ещё сыновья, то она им обязательно сделает обрезание.

Но, забегая вперед, скажу, что у неё впоследствии родились две дочки. Когда мы уже сидели за праздничным столом, то служители синагоги пели «мишибейрах» или по-русски «здравицу» за каждого гостя по порядку, а он, соответственно, клал в коробку-копилку пожертвования в пользу синагоги. Когда очередь дошла до Вали, у неё, как и у всех предыдущих гостей, спросили её имя отчество по-еврейски. А наши родственники, так как в основном были они, засмеялись, когда она ответила: «Валентина Николаевна». А «мейл» сказал: «Ша, ша, теперь часто встречаются такие ситуации, что за столом сидят не только евреи, и ничего особенного в этом нет», и обратился дальше к следующему гостю, не пропев здравицу за Валентину Николаевну. Но поскольку она была очень умная женщина, то она попросила мою сестру принести её сумочку из другой комнаты, вынула оттуда денежную купюру в десять раз большую, чем клали в копилку предыдущие гости, то есть не 10 рублей, а 100 рублей, и передала «мейлу», а он вернулся назад на 3-4 человека и пропел здравицу за «Валентину Николаевну».

Моя мама была в большом недоумении. Она сказала: «Если можно петь не за еврея «мишебейрах», то он должен был это сделать сразу, а если не положено по религиозному закону, то он не имел права это делать ни за какие деньги». Вот такой интересный эпизод произошёл у нас тогда. И бывает же так, что отдельные моменты остаются в памяти на всю жизнь.

Нашему сыну уже скоро 40 лет, а я всё ещё помню этот случай. Так у нас появился второй желанный и любимый сыночек – Жозик или ласково мы его называли Жозинька. Он был светловолосый, белокожий, розовощекий, с абсолютно правильными чертами лица, похожий на херувимчика. И рос он таким красавчиком, что обращал на себя внимание даже посторонних. Я много внимания уделяла нашим детям, и они были не только красивые, но и развитые, воспитанные и умные, с большим обаянием не только внешним, но и внутренним, и доставляли нам много радости и удовольствия, несмотря на трудное послевоенное время.

Марк был в армии до 31 декабря 1945 г., и я, живя с родителями в Ленинграде, была одна с двумя маленькими детьми и со всеми трудностями, связанными с ними. Марк время от времени приезжал только на пару дней в Ленинград. Мне, конечно, было очень тяжело, тем более что бытовые условия были тоже очень

плохие. Пеленки, например, я стирала в корыте, ночью, когда все в квартире уже спали, сушила их на батарее парового отопления в комнате. Нам было очень тесно в 16 кв. м. Не было места даже поставить две кровати. Мама предложила, чтобы Инночка спала у них в спальне. Это тоже было неудобно. А столовая у мамы была большая, 26 кв. м. Там спала моя сестра Валя. Мы начали поговаривать о том, чтобы нам дали эту комнату. Но маме не хотелось разрушать свой стиль.

Впоследствии мы всё же передвинулись в большую комнату и поставили две детских кровати. Мама потом рассказывала, что на её решение повлияла Инночка, которую она безумно любила и которой не могла отказать, когда она по-детски выразила своё мнение по этому вопросу. Надо сказать, что насколько моя мама любила Инночку, настолько она была равнодушна к Жозикку, объясняя это тем, что она не привыкла к мальчикам. А мама Марка, наоборот, очень любила Жозика, а к Инночке была более равнодушна.

Обстановка в доме была очень напряженная и тяжелая, так как у нас была большая семья, по тем временам двое детей, и мы всем мешали. Но мы не ругались и не ссорились, я мучалась и всё терпела, хотя мне было тяжелее, чем всем остальным.

Настолько тошно было дома, что мы забрали обоих детей и поехали к брату Марка, к Леве с Валею, на ул. Гоголя встречать Новый год и там остались ночевать. А после Нового года Инночка заболела корью, но так как ей до этого была сделана прививка в детском саду, то корь проходила у неё легко, но возникло тяжелое положение с Жозиком. Ему было два месяца, и когда я обратилась к врачу с вопросом, что делать, то она, видимо, не очень умная женщина, ответила мне, что, вообще-то, до двух месяцев на него должен действовать иммунитет материнского молока, и он не должен заболеть корью. Но если уж заболит, то может умереть, поэтому ему нужно сделать прививку против кори, но, с другой стороны, прививку в таком раннем возрасте тоже опасно делать, потому что он тоже может умереть.

И вот я оказалась между двух огней: делать или не делать прививку? Ведь в обоих случаях получалось, что он может умереть. Когда на следующий день пришла эта врач с медицинской сестрой, чтобы сделать сыну прививку против кори, то я не согласилась и отправила их обратно. Но я была в большом смущении весь срок карантина. Все же Бог миловал, и наш малыш не заразился корью от Инночки. По-видимому, на него подейство-

вал иммунитет моего молока. Я была занята детьми, а Марк, демобилизовавшись, начал искать работу. Хотя перед тем как демобилизоваться, ему предложили поехать в Германию с особой инспекцией в качестве старшего инспектора, с присвоением очередного звания подполковника.

Но так как туда нужно было ехать без семьи, и он отказался. Тогда ему предложили поехать в Ригу на должность командира автобатальона, который был расположен в г. Балдоне под Ригой. И Марк тоже отказался.

ПЕРЕЕЗД В РИГУ НАША ЖИЗНЬ В РИГЕ

Но Рига так понравилась Марку, что он пришёл в восторг. В 1946 г. она ещё была западным городом. Необыкновенная чистота на улицах, много парков и зелени, культура в обращении – всё это нас, конечно, поражало. Получив деньги за покупку в магазине, продавец или кассир благодарил покупателя. Но мы, конечно, не переставали удивляться, так как не привыкли к этому. В то время в городе ещё были маленькие частные магазины. Случайно на улице Марк встретил знакомого ленинградца, Сему Колпакчи, который познакомил его со своим другом Алексеем Шальманом, и они договорились о совместной работе. Сема в то лето приехал с семьей на дачу на Рижское Взморье, в Майори, и посоветовал Марку привезти свою семью тоже на взморье. Марк приехал за нами в Ленинград и стал уговаривать переехать в Ригу.

Мне, с одной стороны, было очень страшно поехать в новое место с двумя маленькими детьми. Но Марк так красочно описал Ригу, что я согласилась. Да и совместное проживание с родителями в одной комнате становилось слишком тяжелым. А Марк мне сказал, что мы поедем в Ригу, как на дачу, и если нам не понравится, то осенью вернемся в Ленинград.

И я собрала два чемодана с вещами, оставив всё в Ленинграде, забрала детей, и мы уехали в Ригу. В то время это было как за границу. Инночке было 5 лет, а Жозик – 7,5 месяцев. Это было 3 июля 1946 г. Мы приехали в Майори прямо на дачу к Сене Колпакчи, где они выделили нам комнату. Потом Марк встретил знакомого ленинградца, который работал уже на взморье директором дома отдыха «Майори». Поскольку он был не семейный, то предложил нам целую дачу, которая предназначалась ему. Мы переехали туда, насобирав из пустующих домов необходимую мебель: кровати, столы, стулья и т.д.

Жизнь была тяжелая по разным причинам. Во-первых, не было денег. Хотя Марк и устроился на работу, но это ведь было послевоенное время и бывало, что по два месяца не выдавали зарплату. Приходилось часто одалживать, жить очень скромно, мы отказывали себе даже в питании, так как с войны у нас никаких сбережений не было. Родственников в Риге у нас тоже не было, у кого бы можно было занять деньги.

А тут еще и Жозик заболел двусторонним крупозным воспа-

лением легких, а мне даже не на кого было оставить детей, чтобы пойти в аптеку за лекарством. Марк вставал очень рано, шел на рынок и приносил продукты и молоко, а я в течение дня готовила на электроплитке. На море я, конечно, ни разу не ходила, хотя и жили мы очень близко от него. А Инночка часто стояла около ворот дачи и смотрела на проходящую к морю публику. Она была очаровательная, с большим бантом на голове. Часто спрашивала меня: «Мамочка, почему прохожие смотрят на меня и говорят: «Какая хорошенькая девочка?». Ну а я ей объясняла, что так говорят, потому что она хорошая, спокойно стоит у ворот и не шалит. Грудного молока у меня было мало, и Жозику не хватало, а отлучить его от груди летом, в июле, нельзя было, и я очень мучилась от боли, потому что он так накусал мне соски, что они буквально держались на волоске, кровоточили, а я плакала от боли горькими слезами.

В это первое лето моя сестра Валя была студенткой института иностранных языков в Ленинграде, и Марк по маминой просьбе достал ей с подругой путевки в санаторий «Майори» на Рижское взморье, и когда они приходили к нам и видели, как я плачу от боли, то Валя всегда говорила: «Брось его кормить, не истязай себя», но я понимала, что не имею права это сделать. Соску он не сосал, но молоко и жидкую кашу пил через соску из бутылки, и как выпьет, так бросал бутылку на пол, и она, конечно, разбивалась. А бутылочки тогда достать тоже было проблемой, и мне часто приходилось наливать Жозику молоко в пол-литровую бутылку, а он всё швырял их на пол и разбивал. Из витаминов я в основном давала ему сок натертой и отжатой моркови – это было дешевле всего.

Так мы прожили наше первое лето на Рижском взморье. Когда наступила осень, и пришла пора уезжать с дачи, то Марку дали от работы комнату в гостинице «Бельвю», напротив Рижского вокзала, куда мы и переехали с детьми и прожили там полтора месяца, пока не получили квартиру. Оплачивала наше проживание в гостинице работа Марка. Квартиры нам предлагали разные, но я не хотела въезжать в квартиру, откуда отправили в ссылку в Сибирь или в квартиру погибших евреев. Не хотелось строить своё счастье на несчастье других людей.

В конце концов мы получили 2-хкомнатную квартиру на 3-ем этаже, без удобств, то есть без газа и ванны, с печным отоплением, но зато в этой квартире никто не жил до нас, а была стекольная мастерская хозяина двух домов, которого называли

«Красный Ян» за его прокоммунистические настроения. Потом, когда он понял, что такое Советская власть, его настроения резко изменились, но когда Советы только пришли в Ригу, он отдал добровольно свои два дома и стекольную фабрику. Поэтому его назначили директором этой фабрики, а три квартиры на 3-ем этаже он отдал под жилье. Впоследствии же эту фабрику слили с другой, а первый и второй этажи тоже отдали под квартиры. Но Ян (фамилию его я забыла) человек был хороший, добрый и порядочный.

Прожили мы в этом доме на ул. Красотаю, 24 шесть лет, первые годы нашего пребывания в Риге.

Разной была наша жизнь в Риге, но в первые годы нам было очень трудно, особенно мне. Работать я не могла, потому что у нас было двое маленьких детей, так что Марк работал один и денег всегда не хватало. Кроме того, я не знала латышского языка, а латыши, хотя и знали в большинстве русский язык, не хотели с нами говорить по-русски. Они по-своему были правы, считая нас, приезжих, оккупантами. Поэтому они относились к нам очень плохо, особенно в первые годы после войны. И даже латвийские евреи не любили советских евреев. Но в самом начале познакомились и сблизилась с несколькими еврейскими семьями и дружили, и общались с ними все 32 года, которые мы прожили в Риге. Но мы были все годы одни «советские», которых они принимали в своих домах, и вписывались неплохо. Рига в первые годы была для нас – заграница. Там ещё витал дух Запада, и, несмотря на трудности общения, это привлекало и, конечно, наложило неизгладимый отпечаток на всей нашей жизни и воспитании детей.

Но в первые годы я очень тосковала по Ленинграду. Ведь у нас была большая семья, много родственников, а в Риге мы были одни. Хотя с годами друзья и в горе, и в радости заменяли нам родных, которые всё чаще и чаще приезжали к нам в Ригу, и особенно летом, когда мы жили на даче, на Рижском взморье. Там у нас всегда было полно гостей. Тем не менее, в первые годы я по 5-6 раз в году брала детей и уезжала в Ленинград, тем более что мама хотела, чтобы нас видели в доме и не претендовали на нашу площадь, вернее комнату.

Ведь в Ленинграде после войны было трудно с жильем из-за того, что множество домов было разрушено. Но в первый раз я никак не могла поехать в Ленинград, так как не было денег, чтобы отдать долг Семе Колпакчи, которые мы у него взяли летом,

а я в этом вопросе очень щепетильная. Нам было очень тяжело. Ведь мы поехали как на дачу и не взяли теплых вещей.

И всё же я поехала в Ленинград, когда смогла отдать долг. И тогда же решила, несмотря на все материальные трудности, найти домработницу и облегчить нашу жизнь, что и сделала. Привезла из Ленинграда Дусю, дочку маминой знакомой. Она вызвала её из деревни и отправила с нами в Ригу, и вся наша жизнь сразу изменилась. В те годы в России была карточная система, но Дусю, конечно, не прописывали и, соответственно, не давали на неё карточку на получение продуктов. Но она была очень хорошая, порядочная девушка, ела то же, что и мы, но незаметно старалась сэкономить дефицитные продукты. Она, например, никогда не пила чай. Когда я её спрашивала: «Дуся, почему ты не пьешь чай?». Она отвечала мне: «Буду я ещё кишки промывать». Но когда отменили карточную систему, и мы стали покупать сахар в нужном количестве, наша Дуся начала пить чай с сахаром. Только тогда я поняла её благородство: она не хотела нас вводить в лишний расход.

Когда мы въехали в новую квартиру, у нас даже не на чем было спать, но в то время, не помню уж кто из знакомых, подсказал нам, что какой-то сапожник уезжает из Риги в деревню, что ли, и продаёт всю свою рухлядь, и мы поехали и скупили всё, что там было: две железные кровати, белый шкаф, стол на крестовине, табуретки, пару стульев, тазы и др. Это была наша первая мебель. Но мы были рады и этому, теперь было на чем спать и на чем сидеть и кушать. Потом мы постепенно приобретали подержанную мебель, занавесы, портьеры в комиссионных магазинах. Так как в Риге была тогда в моде дубовая мебель с ореховой отделкой, то мы старались подбирать её в тон и одного цвета и, в конце концов, у нас получилась как бы комплектная мебель, то есть одинаковая спальня и столовая.

Ну и жизнь становилась полегче. На следующий год, летом 1947 г., мы поехали снять дачу на Рижское взморье, тогда ещё не снимали комнату для семьи, а снимали дачу. И нам в этом очень повезло. Мы стали искать поближе к морю в Майори и набрали на большую красивую дачу, где главный вопрос хозяйки был, есть ли у нас бабушка или домработница, потому что в предыдущем году её обокрали, когда дача осталась без надзора, пока все её обитатели были на море. Это была арендованная дача, которые в первые послевоенные годы давали желающим арендовать по государственной цене.

Эмиль Миронович и Евгения Германовна получили её на 10 лет. Детей у них не было. На даче было четыре спальни, столовая и терраса, кухня и всякие дополнительные подсобные помещения. Они очень полюбили нашу семью и привязались к нам. Мы прожили у них 6 лет, подружались семьями. Они очень благодарно относились к нам, и мы платили за дачу только арендную плату старыми деньгами (до денежной реформы) 1500 рублей (в то время как за такую дачу частные хозяева брали в 5 раз дороже).

Никто из наших знакомых не верил нам, когда мы говорили, сколько платим. Евгения Германовна очень полюбила наших детей, особенно Жозика. Для неё было самым большим удовольствием, когда мы давали ей нашего малыша погулять по главной улице Майори – Йомас. Я тогда не работала, имела домработницу.

Дом у нас был открытый. Вечерами часто приходили знакомые, играли в карты и устраивали замечательные концерты – среди знакомых было много артистов, с которыми нас познакомила наша приятельница Белла Галинская. Она приезжала отдыхать на Рижское взморье каждое лето, а работала в Московской филармонии и знала, конечно, очень многих знаменитых артистов.

Мы часто бывали в концертном зале на Взморье, а также общались с рижскими друзьями и знакомыми, живущими летом на даче на взморье. Наконец наступили лучшие времена, и мы радовались жизни. Но весной 1949 г. у нас было большое переживание. Каждую весну перед выездом на дачу я ходила с детьми в детскую консультацию, чтобы проверить состояние их здоровья. Им делали все анализы, рентген легких и прививки Пирке и Манту для проверки легких. Делала я это потому, что когда мы приехали в Ригу, многие предостерегали, что там очень распространен туберкулёз. И вот в эту весну у нашего сына, которому тогда было 3,5 года, обнаружили бронхоаденит. И Пирке, и Манту были положительные, и меня направили с ним к врачу, и диагноз подтвердился – «бронхоаденит».

Когда я спросила, что это такое, она сказала, что это начало туберкулеза. Я пришла в ужас и расплакалась: «Как же это может быть, у такого цветущего, краснощекого ребёнка?». На что она мне ответила, что это болезнь только таких и берет. Я вышла вся в слезах и продолжала плакать дни и ночи.

Но как-то раз я с детьми и домработницей пошла в баню,

ванной у нас в то время не было в квартире. Когда я одевала сына после купания, то сидевшая рядом старушка-латышка обратила внимание на моего краснощекого красавчика. Я расплакалась ещё больше и рассказала ей о диагнозе, который поставила врач. Она стала меня успокаивать и дала рецепт, который должен был его излечить. Это было свиное нутряное сало, мед, масло, сахар и какао переваренное, которое нужно было давать ему по чайной ложечке в горячем молоке. Этот «шоколад», как мы его называли, был, конечно, невкусный, но я всякими уговорами заставляла ребёнка пить его в течение полугода. Бронхи у него стали чистыми, и ни один врач не мог поверить, что у него был бронхоаденит.

Но, видимо, дети не вырастают без огорчений, доставляемых родителям. Во второй раз большое горе постигло нас, когда сыну было 5 лет, а Инночке тогда было 9,5 лет. Она была уже школьница, ученица 3-го класса и ходила в школу во вторую смену. Как-то придя вечером со школы домой, она проходя мимо Жозика, который сидел на маленьком стульчике у двери и вырезал ножницами картинку, дернула его за волосы и убежала в коридор, а он, рассердившись, бросил эти ножницы в неё и попал в ногу. Она же подняла их и швырнула их в него. А так как он согнулся, чтобы выглянуть в коридор и посмотреть, что она делает, то они попали ему в глаз и пробили веко и хрусталик. Он от боли вылетел в коридор, схватился рукой за глаз, и когда увидел кровь, то заплакал.

Я сидела в это время на диване и штопала носки, как это было тогда принято, и ничего не заметила, пока не услышала плач из коридора. Выскочив туда, я увидела, что у него в глазу как бы отковырнут кусочек. Я пришла в ужас и бросилась к Инне, которая, испугавшись, забила в кухне в углу. Потом я позвонила Марку на работу, в слезах объяснила ему, что произошло. Он сразу приехал на такси домой. Мы взяли ребенка на руки и повезли его в Первую городскую больницу в глазное отделение.

Доктор Фербер, посмотрев Жозика, вызвал из дома свою жену, тоже глазного врача этого отделения, и решили делать ему операцию. Я, конечно, была вся в слезах и просила разрешить мне присутствовать при операции, но врач сказал, что я буду ему мешать своим плачем, и что будет лучше, если рядом с ребенком будет отец. Я осталась стоять в коридоре, прильнув ухом к двери так, что слышала каждое слово.

Слышала, как Жозинька продекламировал доктору: «Где

никто не пройдет, там Суворов пройдет». Потом он заснул, а я, стоя за дверью, впервые в жизни обратилась к Богу и начала молить его на еврейском языке, чтобы Он помог моему ребёнку и оставил его зрячим. Врач перед операцией сказал, что он не может гарантировать, что ребенок будет видеть этим глазом. Завязали ему оба глаза, и доктор сам вынес его на руках в палату и с восторгом сказал мне: «Ну, знаете, много я в своей жизни видел детей и делал им операции, но такого ребёнка я ещё не встречал».

Мы с Марком дежурили по очереди около постели сына круглосуточно. Он очень спокойно лежал с перевязанными глазами и только всё время просил: «Читай». И я до хрипоты читала ему все его детские книжки, а он спокойно слушал. Когда я пришла домой и увидела Инночку в очень уже тяжелом состоянии, и она стала просить меня, чтобы я взяла её в больницу, что она хочет просить прощения у Жозика. И я взяла её в больницу.

Увидев его с завязанными глазами, она встала на колени перед ним и сказала: «Жозинька, прости меня». А он погладил её по руке и ответил: «Хорошо, хорошо, прощаю». Это была очень трогательная сцена, которую забыть невозможно даже спустя 35 лет. Через два дня, 7 ноября, ему сняли повязку, и только тогда сказали, что есть надежда, что зрение сохранится. Я была счастлива! Посадила его на окно в палате, и он одним глазом, неповрежденным, смотрел на улицу, где проходила демонстрация в честь годовщины Октябрьской революции. Через несколько дней мы привезли ребёнка домой.

Когда Марк увидел его глаз весь черный от залитых туда капель и расширенный, он закричал: «Не могу, не могу это видеть!» Действительно, зрелище было ужасное. Но со временем чернота проходила, глаз принимал свою форму и цвет, хотя черный треугольничек от зрачка остался на всю жизнь. А 17 ноября у Жозиньки был день рождения. Ему исполнилось 5 лет, и мы на радостях очень пышно отметили ему этот двойной праздник. Вот такая страшная история произошла в нашей семье 5 ноября 1950 г. Но я благодарю Бога, что всё обошлось благополучно. Впоследствии, когда наступил призывной возраст, его не взяли в армию из-за этого глаза.

Через год, когда ему исполнилось 6 лет, я научила его читать, так же как и Инночку в свое время – по тем же картинкам, по букварю. Почему-то в то время считали, что раньше 6 лет не следует учить детей даже чтению. Сына я научила читать за 11

дней, не успев даже пройти с ним все азбучные картинки. Причем он начал читать сразу целыми словами, а не по слогам, и тут уж его от книг оторвать не было возможности. Он читал запоем всю жизнь, я думаю, до приезда в Америку. Память у него была хорошая, и когда он ещё сам не умел читать, очень быстро запоминал стихи, которые я читала ему вслух. Буквально со второго раза он уже знал их наизусть и рассказывал с удовольствием, очень красиво и с выражением.

В детстве Жозик немного шепелявил. Он не выговаривал букву «ш». Он говорил: «Кусай коска, вот картоска». Как-то, гуляя с детьми, я стала объяснять ему, как нужно правильно выговаривать букву «ш». Это было осенью, и на голове у него был одет синий берет. Я начала со слова «шапка»: скажи «шапка», а он говорит «сапка» и так несколько раз, пока, рассердившись, не ответил мне: «берет».

Потом я велела ему сказать «шарф», а он говорит «сарф» да «сарф». А когда ему надоело, то он сказал мне: «косынка». У него в это время была одета вместо шарфа косынка, завязанная под воротником бантом. Его ответы были и остроумны, и смешны. Когда наши дети были маленькие, многие мне говорили, что мне нужно было бы написать Чуковскому письмо со всеми их «хохмами». Он как раз тогда выпустил свою книгу «От 2-х до 5», где было много всяких детских острот. Я, например, помню, когда сыну было года 3, я сидела с ним на пляже, на Рижском взморье, и он копал песочек, сидя всё время спиной к солнцу. Я ему говорю:

– Жозинька, повернись на другую сторону.

– А зачем?

– Ну, потому что сожжешь спинку, если всё время будешь так сидеть.

– А чем я её сожгу?

– Солнышком, – отвечаю я ему.

Тогда он поднял глаза к небу, посмотрел и спрашивает меня: «А где у солнышка печка?»

Мы в то время жили в квартире с печным отоплением. И много других «хохм» он в то время говорил.

Инночка в 1948 г. пошла уже учиться в школу, которая была рядом с домом. Я уделяла ей много внимания, готовила она домашнее задание только в моем присутствии, и я всегда всё проверяла. Научили её читать до школы. Девочка она была смышленная, с хорошей памятью. Устные уроки, прочитав, всегда расска-

зывала мне, и в классе получала «пятерки» – высшая отметка в Союзе. Её первая учительница была Раиса Николаевна Лукашевич. Она очень любила Инночку, а Инночка – её. Раиса Николаевна даже не скрывала этого и всегда говорила мне: «Вот люблю этого ребёнка, хотя знаю, что не имею права даже в мыслях и чувствах выделять своих учеников».

Инночка и внешне была очень красивым ребенком: белокурая, белокожая, с ярким румянцем на щеках. А кроме того, она была умная и развитая. Но по росту – самая маленькая в классе. Раиса Николаевна была родом из Средней Азии, но вышла замуж во второй раз, от первого брака у нее была дочка Валя, за молодого человека из Риги, служившего там в армии, и вместе с ним переехала в Ригу. Дочка её училась в том же классе, сидела с Инночкой за одной партой, и многие годы наши дети очень дружили и ходили к друг другу в гости.

Но Раиса Николаевна была педагогом не очень высокой культуры и образования и даже по-русски говорила неправильно. У нас в семье все говорили очень правильно и красиво по-русски.

Но Инночка очень её любила, хотя проучилась у неё только два года, в 1 и 2 классе, но до окончания школы (другой, в другом районе) ездила к Раисе Николаевне домой каждый год в день её рождения 5 мая с букетом цветов, чтобы поздравить её. Кроме того, до седьмого класса она говорила, что хочет стать только учительницей, причем обязательно «сельской». Я даже стала волноваться и спрашивала: «А почему сельской?» – «А потому что, если никто не поедет в село, кто же будет учить сельских детей?» По-видимому, это ещё было у неё под впечатлением фильма «Сельская учительница», шедшего в те годы в кинотеатрах Союза.

Инночка проучилась в классе у Раисы Николаевны только 2 года, но, по-видимому, она произвела на неё очень сильное впечатление, потому что, приходя со школы домой, она снимала школьную форму и, переодевшись, ужинала, а потом начинала играть с Жозиком «в школу». Игра заключалась в том, что она надевала на него свою форму, завязывала ему бант на голове, он садился на стульчик за детский столик, брал тетрадку и карандаш, и она его спрашивала: «Беккер, сколько будет 2+3 ?» и тихонько подсказывала ему ответ, а если он, недослышав, отвечал неправильно, она начинала кричать на него, стучать кулаком по столу и говорить: «У тебя чем голова набита, капустой, что ли?»

и так далее., полностью воспроизводя во всех мельчайших подробностях урок Раисы Николаевны.

Когда я бывала в школе, то рассказывала об этом, конечно, не повторяя ненужного и неприятного. И ещё Инночка рассказывала, как Раиса Николаевна часто при всем классе кричала на свою дочку Валю и иногда даже шлёпала её, да ещё по голове. Но была она хорошая девочка, а Раиса Николаевна – очень нервная. Когда Инночка перешла в 3-ий класс, то школу разделили, и 3-4 классы попали в другую школу, на ул. Кр. Барона. Инночка оказалась вместе со всем классом у новой учительницы – Нины Ивановны. У неё она проучилась 3 и 4 классы. Была круглая отличница и при окончании первых 4-х классов получила «Почетную грамоту» за отличную учебу и примерное поведение. В 1952 г., когда она кончала 4-тый класс, мы поменяли нашу квартиру с ул. Красотаю, на большую и с удобствами на ул. Стрелешку. Там были 2 комнаты и большая «девичья» при кухне, которую мы оборудовали для Инночки, а кроме того было паровое отопление, газ и ванна, то есть все удобства. Это намного облегчило нашу жизнь.

Мы переехали в эту квартиру 20 апреля 1952 г. Это был мне подарок к 15-летию свадьбы, которую мы отмечали 30 апреля. Квартиру пришлось отремонтировать и сделать её жилой соответственно нашему вкусу. Я за эти 10 дней не выходила даже из дома, так как Марк присылал рабочих по всем специальностям, а я только говорила им, что нужно делать, и следила за выполнением. А нужно было полностью переоборудовать ванну и кухню. Поставили новую 4-конфорочную газовую плиту, вместо маленькой настольной, двухконфорочной, новую раковину с двумя мойками, в ванной – газовую колонку вместо печной и т.д. Провели телефон, которого вообще не было в квартире. Конечно, мы были молодые, здоровые и энергичные, поэтому всё это проделали в такой короткий срок, да ещё и подготовили, соответственно, стол для приема гостей для торжества по поводу нашего 15-летия. И всё было сделано на высшем уровне. А главное, Инночка получила хоть маленькую, всего в 5 кв.м., но отдельную комнату, а кровать Жозика поставили в нашей спальне. Ему было 6,5 лет, и мы решили его отдать в школу.

Но ещё до этого он заболел свинкой. А Инночка в это время кончала 4-ый класс и впервые сдавала экзамены. И как мы ни старались, она всё-таки заразилась и тоже заболела двухсторонней свинкой и в очень тяжелой форме. Успела она сдать 3 экза-

мена, а к последнему, четвертому – по литературе – она уже лежала с высокой температурой. Когда я позвонила директору школы, он мне сказал, что поскольку она отличница, её и без экзамена переведут в 5-ый класс. Но она плакала и расстраивалась: «Ведь это первые экзамены в моей жизни, и я не могу их сдать».

А врач предупреждала меня, что ей нельзя расстраиваться, потому что может быть осложнение в виде менингита. Я, конечно, испугалась и попросила директора прислать учительницу домой для приема экзамена. На это он ответил, что если она изъявляет желание, то он не возражает. И вот в назначенный день приехали две учительницы, потому что положено сдавать экзаменационной комиссии. И Инночка с перевязанным горлом прекрасно ответила на все заданные вопросы и получила «5».

А когда они ушли, оказалось, что температура у нее поднялась до 41 градуса. Я же пошла в школу на торжественную часть и мне вручили для Инночки «Почетную грамоту» за окончание 4-го класса и чудесную характеристику. И вообще, мы регулярно получали из школ благодарственные письма за правильное и хорошее воспитание наших детей и за хорошую учебу, что доставляло нам, конечно, большую радость и удовольствие.

А пока в то лето началась эпопея с сыном. Он был очень развитый, умный и начитанный и очень хотел пойти в школу. Но в то время раньше 7 лет не принимали. Так как мы переехали в новый район, то я пошла с обоими детьми в 10-ю школу, бывшую женскую гимназию, а тогда женскую школу, которая находилась рядом с нашим домом. Директор, увидев наших детей, пришла в восторг: «Какие очаровательные дети!». На что я ей ответила, что она может принять их учениками. Но это была в то время только женская школа, и она ответила, что на следующий год, возможно, школа станет смешанной. Тогда можно будет принять и мальчика, а пока она приняла только Инночку в 5-ый класс, и в этой школе она проучилась до окончания.

Во всех школах я состояла членом родительского комитета и много времени и внимания уделяла и школе, и общественной работе. Итак, Жозика пришлось отдать в другую школу, а ближайшая русская школа была на ул. Свердлова – новая, большая школа №13. Но ему еще не исполнилось 7 лет, и заведующая учебной частью не хотела, а вернее, не могла его принять. Она рекомендовала мне обратиться в район и гороно – это Районный отдел народного образования и Городской отдел народного образования соответственно. Я писала туда заявление с прось-

бой зачислить его в школу, а они отказывали мне. В последний раз я пошла за получением ответа на моё заявление с сыном. Одеда на него длинные брючки, берет, и он выглядел старше. А ходил он всегда с книгой в руках, и если я где-либо останавливалась, то он в это время спокойно читал и не докучал мне.

Когда мы вошли в кабинет заведующей горно, Жозик, поздоровавшись, отошёл в сторону и читал свою книжку, пока я разговаривала, доказывая, что его нужно принять в школу. А заведующая доказывала мне обратное. А потом она посмотрела на мальчика и говорит: «Ну, давайте спросим у него. А ты сам-то хочешь в школу?». И он очень выразительно ответил одним словом: «Очень!». Это потому, что я его предупредила, чтобы он много не болтал. Тогда заведующая, посмотрев на него, сказала: «Ну раз «очень», придется разрешить», ну и написала резолюцию «принять». Но когда я пришла в школу с этой резолюцией, то заведующая учебной частью была не очень довольна и сказала: «Ну и зря вы настояли, всё равно ему будет трудно и в пятом классе он останется на второй год».

Но учился Жозик хорошо, хотя никогда не был отличником. С 1-го по 4-й класс он был у очень хорошей, опытной учительницы, Анны Ивановны Велдре, которая в тот год «пошла» в школу в 31-ый раз. Но в школе в те годы было чистописание, а Жозик был левшой. А в Союзе считали, что писать нужно правой рукой, поэтому его учили писать нормально, правой рукой, но ему это плохо удавалось, и в тетрадях были кляксы и грязь, и получал он по чистописанию «1» или «2», а я огорчалась и даже плакала. По всем же остальным предметам он был даже впереди своих соучеников. На уроках он поднимал руку, желая ответить на поставленный вопрос только тогда, когда никто не мог ответить, и сама Анна Ивановна спрашивала Жозика тогда, когда никто не знал ответа. Но так как Жозик был всё-таки младше всех в классе, то у него не хватало терпения высидеть спокойно положенные 45 минут. Он мог во время урока либо растянуться на парте, либо положить голову на парту. Это я сама видела, присутствуя в классе во время показательных, открытых уроков у Анны Ивановны. У Жозика была красивая дикция и хорошо «подвешенный» язык.

Когда мы привели его в первый класс, то сначала всех пригласили в зрительный зал на торжественное собрание. Директор школы, учителя, родители поздравляли детей с первым школьным днем. Сидя в конце зала, мы увидели, что Анна Ивановна

подошла к Жозуку и что-то шепчет. Я испугалась, думая, что он ведет себя не так, как положено. Оказалось, что она подошла к нему и попросила выйти на сцену и поздравить директора школы с началом учебного года. Он это так красиво и хорошо сделал, что директор смотрел на него изумленными глазами, а когда он кончил говорить, поднял его на руки и поцеловал. А в зале в это время раздавался шепот: «Чей это ребёнок, чей это мальчик???»

После этого Анна Ивановна в нужных случаях всегда послала Жозика приветствовать, поздравлять, говорить со сцены, подсказав ему необходимый текст. И в дальнейшем часто говорила: «Ты сам сообрази, что нужно сказать».

Он мне как-то пожаловался: «Мама, я что, штатный поздравитель?». Это было, когда ему велели прийти вечером на выпускной 10-классников и поздравить их.

В первом классе я всегда сидела с Жозиком за уроками, так же как с Инночкой. Я считала, что он рано пошел в школу, он левша и т.д. Но когда он перешел во второй класс, и я хотела сесть с ним за уроки, он мне сказал: «Мама, я не Инна, и уроки я буду делать сам». Мне понравилась его самостоятельность, и я согласилась с ним, но, конечно, все равно проверяла его. Он научился всё-таки писать правой рукой, но всё остальное делал левой: рисовал, лепил, строгал и т.д. А теперь, приехав в Америку, я вижу, что чуть ли каждый 2-й или 3-й – левша. Много преподавателей пишут левой рукой и, оказывается, никто их не переучивает, поскольку считается, что это вредно для организма.

Когда Жозик был уже в пятом классе, я пришла в школу на собрание после первой четверти, и учительница по русскому языку и литературе сказала мне, что он пишет очень неграмотно, делает много ошибок. На мой вопрос, что она рекомендует сделать, она ответила, что сделать ничего нельзя. Я пришла домой очень возмущенная и говорю Марку: «Как же это может быть? Ведь он ещё ребенок, только в пятом классе, а учительница велит уже «поставить крест» на его грамотности? Не верю в это и допущу этого».

Я приняла решение, о котором объявила сыну: «Ежедневно мы будем писать диктанты, включая праздники и выходные дни, но неграмотным ты у меня не останешься». У меня, конечно, была большая сила воли и целеустремленность. И начиная со следующего дня и до конца учебного года, ежедневно я садилась с ним за диктант. Потом я проверяла ошибки, каждое слово с

ошибкой он выписывал по 10 раз подряд. А в конце недели я давала ему диктант на все слова с ошибками, сделанными в течение недели. И так до тех пор, пока он их не писал правильно. Бывали случаи, когда приходили в это время гости, я извинялась, уходила с сыном в другую комнату и делала наше дело. Когда я пришла в школу на собрание в конце учебного года, учительница по русскому языку с изумлением сказала перед всем классом, что она потрясена успехами Жозика и не может понять, что за метаморфоза произошла с ним. Тогда я достала из сумки несколько толстых тетрадей с диктантами и показала ей. Её удивлению не было предела. Она сказала мне, что я проделала гигантскую, героическую работу с ним, поэтому получила такие блестящие результаты.

Я пишу только об особо интересных случаях в жизни, оставивших большой след или воспоминание у меня. Когда Жозик учился в первом классе, и ему 17 ноября 1952 г. должно было исполниться 7 лет, мы начали говорить о его дне рождения, и он спросил: «Мамочка, вы будете справлять себе или мне день рождения?»

И я поняла, что он уже большой, и у него есть свои друзья, с которыми ему интереснее, чем с нашими знакомыми, которые обычно приходили вечером поздравить нас, а детей я отправляла в 9 часов спать. И я ответила ему: «Нет, сынок, мы будем отмечать твой день рождения, и ты можешь пригласить, кого захочешь». Он пригласил девочек и мальчиков из класса и трёх учительниц: Анну Ивановну, Дору Соломоновну – учительницу музыки, с которой дети занимались в то время, и учительницу английского языка – Софью Израилевну Яворковскую с дочкой, которая училась с Инночкой и была другом нашей семьи. И этот день стал для сына большим и радостным праздником, он был по-настоящему счастлив.

Вспоминаю ещё один печальный, но интересный эпизод, произошедший с Жозиком в 1952 г., весной, когда мы переехали в квартиру на ул. Стрелешеку. Пока в квартире шел ремонт, мне некогда было гулять с сыном и я его стала выпускать во двор. Там он познакомился с мальчиком старше его на несколько лет, Витькой. Жозик по его настоянию залез на крышу сарайчика, выходящего в соседний двор и, по подсказке этого русского мальчика, Витьки, стал кричать еврейскому мальчику в том дворе, Лезьке (Лейзеру), что всем жидам нужно вспороть животы и выпустить кишки и дальше в том же духе всякие антисемитские га-

дости. Витька, конечно, не предполагал, что Жозик еврей, поскольку он был светловолосым, голубоглазым, краснощеким – типично русский, а ещё больше латышский ребёнок. Вышли во двор Лезькина бабушка и другие евреи и, как мне потом стало известно, возмущались этим мальчиком, говоря между собой, какая же должна быть антисемитская семья у этого ребёнка, если он может кричать такие гадости в адрес евреев. И вот вскоре, когда мы стали выезжать на дачу и грузили вещи на грузовик, а я была в кузове вместе с Жозиком, я обратила внимание, что взад и вперед ходит какая-то старушка и внимательно смотрит на меня. Я даже мужу сказала, что кто-то, видимо, наблюдает, что мы уезжаем, не ограбили бы квартиру.

Как вдруг она обратилась ко мне с вопросом: «Вы – евреи?» Оказывается, она разглядывала меня и поняла, что я еврейка. И когда я ей ответила утвердительно, то она сказала: «Как же вы так могли воспитать сына?». И рассказала мне о том, какие гадости он кричал об евреях. Это была Лезькина бабушка. В это время машина уже отъезжала. Извинившись за сына, я сказала, что разберусь с ним. Когда мы приехали на дачу, устроились, я посадила его и спросила: «Как это могло случиться?» Объяснила ему, что он и мы, его родители, и все бабушки и дедушки – евреи, и выходит, что он оскорблял всех нас. В Союзе никто, а тем более – евреи, в те годы не акцентировали вопрос о национальности, особенно в разговоре с детьми. И родители, и школа воспитывали их одинаково, чтобы у них не было раздвоенности в мышлении. Сын этот урок воспринял правильно, и в последующие времена за слово «жид» бил любого и даже старше себя.

Так, один из его друзей в младших классах, Вова Казанский, как-то сказал ему: «Ты – корень от слова жиденский!». Когда Жозик мне рассказал об этом, я, естественно, спросила его: «А что же ты ответил?». «А я дал ему в морду». И в данном случае я одобрила его поступок. И всегда старалась подчеркивать, что дети наши – чистокровные евреи и должны это знать и помнить. А когда они становились старше, я ещё больше акцентировала их внимание на том, что жениться следует только на еврейке и выходить замуж только за еврея, и они это, слава Богу, выполнили, чем я очень довольна.

В 1953 г. 5 марта мы услышали по радио о смерти Сталина. Я была так потрясена, что мне казалось, жизнь кончена. Большинство советских людей были воспитаны в вере в Сталина, как в Бога. Мне лично кажется, что человек не может жить без веры,

он должен во что-то верить, а так как в Советском Союзе религию отобрали у людей всех национальностей, а особенно у евреев, то многие и верили в Сталина. Если в первые годы советской власти ещё были еврейские школы, правда, единичные, были еврейские газеты, театры, книги, то довольно скоро всё это было уничтожено самым жесточайшим образом. Правда, живя в Союзе, мы многих подробностей не знали и «питались» слухами. Я настолько верила в Сталина, что когда многие во время войны с ужасом говорили: «Что же будет, чем всё это кончится?». Я всегда отвечала: «Сталин же сказал, что победа будет за нами, значит, так оно и будет и нечего впадать в панику».

А в день смерти Сталина я вся в слезах разбудила детей и с ужасом сообщила им эту весть. Потом я пошла с ними к памятнику Ленина, где стихийно собралось очень много народу и слушали речь Молотова. Многие плакали и даже навзрыд, в голос – и я в том числе. Сыну я велела снять шапку, хотя на улице был мороз, и он стоял по стойке «смирно». Но оказалось, что жизнь может продолжаться и без Сталина.

Не буду описывать все перемены в правительстве и борьбу за власть, которая переходила из рук в руки. Но каждый новый правитель развенчивал предыдущего. Например, Хрущев, придя к власти, развенчал Сталина и даже приказал вынести его труп из мавзолея. Но он сделал одно хорошее дело: реабилитировал десятки тысяч людей, многих посмертно, а многих освободил из концлагерей, куда они были отправлены Сталиным на гибель. Но народу втолковывали, что это вредители, враги народа, шпионы, и люди верили этому. Но были и такие, кто понимали, что всё это ложь и фабрикация.

А незадолго до своей смерти, то есть зимой 1953 г., он решил покончить с евреями, отправив их эшелонами в Биробиджан, автономную еврейскую республику. Это точно было так, потому что мы с мужем сами видели товарные эшелоны на Рига-Товарная и охраняющих их солдат в белых полушубках, когда однажды поздно ночью возвращались от друзей домой, проходя мимо этого места. Но тогда мы не понимали, что это за эшелоны, а когда услышали разговоры об этом, то даже не хотели верить этому.

Когда Марк спросил своего бывшего сослуживца и соседа по квартире Ал.Ал. Ажгиревича, который в то время работал в Райкоме партии, правду ли говорят в городе о вывозе евреев, тот ответил: «Тебя я предупрежу об этом». Мы были у него в роли

любимого еврея, который есть у каждого русского. Но, слава Богу, Сталин умер вовремя, и эта акция не состоялась. А наши рижские друзья Мусени были так напуганы и уверены, что их сошлют в Биробиджан, что закупили необходимые там теплые вещи и просили оставить у нас их сына Иосифа до окончания школы. Он тогда был в последних классах.

Итак, моя мечта осуществилась – наши дети уже школьники. Я всегда заглядывала вперед. Много времени и внимания уделяла детям, мне хотелось видеть результаты своего труда. Когда я об этом говорила знакомым, то все удивлялись и говорили: «Ведь не только ваши дети будут становиться старше, но и вы будете стареть!» Я, конечно, это понимала, но меня это не пугало, так сильно было мое желание. А пока я старалась дать детям как можно больше, чтобы их развитие было многогранным – привить им вкус к музыке, живописи, спорту, то есть все то, что обогащает жизнь человека.

У них не проявилось особого таланта, но оба занимались музыкой с частной преподавательницей на дому, и я не жалею о затраченных средствах, потому что понимание и любовь к музыке остались с ними на всю жизнь. В годы их детства я покупала абонементы на концерты в филармонию и ходила с ними. Я водила их на балеты и доступные их возрасту оперы в Оперный театр. Я ездила с ними на каникулы в Москву, Ленинград и водила их на экскурсии по музеям, театрам и другим достопримечательным местам. Я старалась развивать их всесторонне. Кроме того, и я, и Марк всю жизнь много читали, и наша любовь к книгам передалась и детям. Они так же много читали, и сначала мы собрали очень приличную библиотеку у себя дома, а потом и дети, став взрослыми, каждый у себя. Они также были воспитаны в духе необходимости получения образования. И как-то Инночка, уже будучи студенткой института, услышав разговор знакомых, которые жаловались, что их дети не хотят учиться, сказала мне: «Мамочка, а как это получилось, что у нас даже в мыслях никогда не было, что можно не учиться, не получить образования?»

Такой настрой был в нашей семье. Инночка ещё брала уроки английского языка дома, до того как начала изучать его в школе. Так мне хотелось дать им как можно больше. Я, конечно, в те годы не предполагала, что мы окажемся в Америке, и знание английского ей очень облегчит жизнь в стране. Я просто хотела дать детям всестороннее образование. Но все это стало возмож-

но потому, что я в те годы не работала и много уделяла внимания воспитанию детей. И ещё в те годы я решила пойти учиться на курсы кройки и шитья при Доме офицеров. В то время магазина «Детский мир» ещё не было, а портниха, которая шила для детей, отказалась от работы, поскольку все ее дети подросли и начали работать. И я решила научиться сама шить, а мне это было легко давалось, поскольку, будучи конструктором, я легко могла составить любую выкройку, и я даже всем своим сокурсникам помогала в этом. Кроме того, у меня были разнополые дети, и всё, что задавали шить, я делала для них.

Так я научилась шить, когда мне было 40 лет и очень рада этому. Это до сегодняшнего дня облегчает и мою жизнь, и жизнь моей семьи. А здесь, в Америке, я даже понемногу подрабатываю – шью и для своих знакомых.

Так росли наши дети, становясь все старше и старше. А годы были в Союзе сумбурные: люди в своем большинстве делали одно, говорили другое, а думали совсем иначе. Но во многих семьях дети думали так же, как родители, и повторяли то, что слышали в семье. Мы же старались оградить юность наших детей от всяких ненужных разговоров, не вселять в их души мысли 40-45-летних родителей, дать им возможность расти в спокойной обстановке. Поэтому мы всё объясняли им, как в школе, и они до некоторой степени росли в неведении о том, что творилось вокруг.

Инночка была уже в 7-8 классе, когда началась пресловутая «кампания по борьбе с космополитизмом»: многих евреев снимали с ответственных должностей, арестовывали, военным не давали дослужить несколько месяцев до пенсии и увольняли из армии, и много ещё разных безобразий творилось в стране. И вот как-то Инночка, гуляя после школы с девочками из своего класса, пришла домой вся в слезах. На мой вопрос, что случилось, она заявила нам: «Я плачу, потому что вы неправильно воспитываете нас. Я живу как дурочка в полном неведении и даже не понимаю, что творится вокруг меня». Оказалось, что девочки рассказали ей, что у одной сняли отца с большой должности, потому что он еврей, а у другой отец был военным врачом, так его уволили из армии, не дав дослужить до пенсии нескольких месяцев.

Я поняла, что наша дочь вышла из детского возраста, и решила объяснить обстановку. Но я все же сказала ей так, чтобы смягчить воздействие своих слов, то есть рассказала, что обста-

новка в стране действительно такая, как ей рассказали девочки. Слава Богу, нашей семье это не коснулось, поэтому я и не разглазовывала на эту тему. Но после этого мы уже не скрывали от детей, по крайней мере, полностью, все события. Как-то Инночка пришла из школы и рассказывает, что Тамара Ивановна, учительница литературы, велела ей сделать доклад «О дружбе народов». «Мамуля, представляешь, именно мне (она имела в виду еврейке) она дала эту тему. Ну, и как же мне написать?». И папа ей объяснил, как нужно это сделать. И доклад был выдержан по всем статьям в коммунистическом духе и одобрен.

Возможно, это был первый случай в начале её юности, когда ей пришлось покривить душой. Впоследствии, конечно, такие случаи бывали – и не раз. А вообще, она была очень правдивая и честная девочка и не умела лгать. Этому я учила своих детей с детства. Я всегда говорила им: «Лучше скажите мне самую ужасную, но правду, чем самую прекрасную, но ложь. Потому что, если вы солжётё, то я все равно узнаю». «А как ты узнаешь?» – спрашивала Инночка. На что я отвечала: «По глазам». «Мамочка, научи меня, как можно узнавать ложь по глазам». «Это только дано маме узнавать по глазам, и когда ты вырастешь и станешь мамой, тоже сможешь».

Инночка так верила в это, что однажды у нас произошел интересный случай. Хотя мы жили с 1946 г. в Риге, и Марк получил там квартиру, но я с детьми не выписывалась из Ленинграда. В Союзе все должны были быть прописаны по месту жительства – абсолютно все граждане, от мала до велика. А не выписывалась я потому, что ещё не была полностью уверена, что мы останемся жить в Риге. Кроме того, если бы мы выписались из Ленинграда, то у родителей сразу забрали бы нашу комнату, поскольку квартира была трехкомнатная и, что очень важно, – все комнаты были изолированы, то есть каждая имела выход в коридор. И так уже соседи доносили в домоуправление, что мы не проживаем, и к родителям стучались в дверь люди с ордерами на руках на нашу комнату, но мама даже не впускала их в дом и не открывала дверь.

А в 1948 г., когда Инночке исполнилось 7 лет, начали приходить к маме из школы этого района и спрашивать: «Где ребенок, ей положено по возрасту быть в школе?». Ведь в Союзе всеобщее обязательное образование. Когда мама нам сообщила об этом, мы взяли справку у знакомого врача, что по состоянию здоровья ребенок пойдет в школу в 8 лет вместо положенных семи.

Но на следующий год опять началось то же самое, и мне пришлось отвезти её в Ленинград, где она проучилась две четверти во втором классе ленинградской школы. Я конечно ужасно нервничала и ездила туда каждый месяц. А потом в один из приездов я забрала её в Ригу и сказала маме, что я отказываюсь от нашей комнаты в Ленинграде и хочу сама воспитывать детей.

Но в один из моих приездов в Ленинград произошел эпизод, о котором я хочу рассказать. Дело в том, что в те годы очень трудно было достать что-либо из одежды. Тем не менее, в каждый свой приезд я привозила ей необходимое. И однажды я привезла ей чудесные шерстяные варежки, изготовленные в Германской Демократической Республике и она, естественно, пошла в них в школу – была зима. Причем я её предупредила, чтобы она варежки не оставляла в раздевалке, а взяла с собой в класс, что она и сделала. Она ходила в школу во вторую смену и когда я вечером пришла за ней в школу, она сбежала с лестницы вниз и вдруг вспомнила, что варежки остались в парте. Тут же сразу она побежала обратно в класс, а там дежурная по классу девочка осматривала парты, не оставил ли кто что-либо. Тогда Инночка спросила у неё, взяла ли она её варежки в парте, на что та ответила отрицательно. Я пошла с Инночкой и этой девочкой в кабинет директора школы, где собрались несколько учителей и завуч, а девочка всё твердила, что варежки не видела. Тогда Инночка во всеуслышание заявляет ей: «Ты лучше скажи правду, потому что моя мама всё равно узнает по глазам».

Настолько она была в этом уверена ещё долгие, долгие годы. И так это чувство правдивости укоренилось у них, что, став взрослыми, они никогда не лгали мне, а просто не рассказывали мне сразу что-либо неприятное, чтобы я не расстраивалась, а делали это позднее, считая что даже неприятность, сказанная позднее, смягчает свое воздействие.

**Sofa with Liza and German Mussel – beloved friends in Riga
since 1945 till last days of life**